

Наташа Яценко

ТЕНЬ
— над —
Камнеградом



Наташа Яценко
Тень над Камнеградом

«Автор»

2026

Яценко Н.

Тень над Камнеградом / Н. Яценко — «Автор», 2026

Ночь и мрак окутали Камнеград. Город замер в тревожном ожидании: найден мёртвым старый управляющий, и это убийство становится началом зловещей череды событий. К расследованию резонансного дела подключаются независимые детективы, привыкшие к самым запутанным загадкам. Но вскоре сыщики понимают, что за этим преступлением скрывается нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Нити тайны опутывают весь Камнеград, и только маленькой группе смельчаков под силу распутать клубок интриг, спасти город от надвигающейся беды и вывести на свет тех, кто предпочитает оставаться в тени. Смогут ли они разгадать тайну, прежде чем тьма поглотит всё вокруг?

© Яценко Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	36
Глава 12	39

Наташа Яценко

Тень над Камнеградом

Пролог

За окном шумел настоящий летний дождь. Он начался внезапно, будто кто-то наверху резко перевернул огромное ведро с водой. Только что улица была залита солнцем, а теперь по стеклу бегут быстрые прозрачные струйки, сливаясь в причудливые узоры, словно художник-великан водит по окну невидимой кистью. Ветер срывает с деревьев листья и бросает их в лужи, где они кружатся, словно маленькие кораблики, отправившиеся в далёкое плавание по бескрайним морям из дождевой воды. Некоторые листья, промокнув, тонут, другие же продолжают свой танец, подхваченные новыми порывами ветра.

Брусчатка потемнела и заблестела, отражая серое небо и редкие огни магических фонарей, которые мерцали сквозь пелену дождя, словно маяки для заблудших путников. Прохожие спешат укрыться под навесами и козырьками, раскрывают зонты. Кареты проезжают мимо, оставляя за собой веер брызг, а их колёса скрипят по мокрой дороге, создавая свою, особенную мелодию дождя.

В воздухе стоит ни с чем не сравнимый запах свежести, мокрой земли и зелени. Кажется, что даже звуки природы стали глуше. Шум дождя накрыл город мягким одеялом, приглушив привычный городской гул.

Начало этой истории случилось именно в такой момент, когда первые крупные капли ударили по подоконнику, а небо налилось свинцовой тяжестью. Это было время перемен, когда природа решила смыть всё старое, чтобы дать место чему-то новому и неожиданному.

Глава 1

Ещё вчера вечером всё было иначе. Лиан помнила это так же ясно, как запах корицы и ванили, доносившийся из отцовского кабинета. Она стояла в дверях, наблюдая, как старый управляющий, её отец, склонился над массивным столом из морёного дуба. Свет магической настольной лампы выхватывал из полумрака его седую макушку и ворох бумаг, ждавших своего часа. Дверь была приоткрыта как обычно. Он всегда оставлял её такой, будто приглашая разделить с ним тишину работы или просто заглянуть на чай. В тот вечер они поспорили о каком-то пустяке, и Лиан ушла, хлопнув дверью чуть громче обычного.

Утро началось с дождя. Он смыл вчерашние обиды, оставив после себя лишь холодную тревогу. День тянулся невыносимо долго. Отец не вышел ни к обеду, ни к ужину.

Это было неправильно. Он никогда не пропускал приёмы пищи.

— Папа? — её голос прозвучал тихо, почти шёпотом, растворившись в густом сумраке коридора.

Ответом была лишь мёртвая, ватная тишина, которая, казалось, поглощала все звуки.

«Он просто заработался», — попыталась успокоить себя Лиан. Эта мысль была первой и самой логичной. Управляющий часто засиживался над бумагами допоздна, а усталость могла сморить его прямо в кресле. Или... он плохо себя почувствовал? Желудочная хворь, о которой он молчал, чтобы никого не тревожить. Да, так и есть. Наверное, спит сейчас крепким сном, и будить его - только злить.

Но эта хрупкая уверенность разбилась вдребезги о глухую тишину за дверью. Ладонь легла на холодное, гладкое дерево. Девушка толкнула тяжёлую дубовую створку. Сначала слабо, потом сильнее, вкладывая в это усилие всю свою нарастающую тревогу. Дверь не дрогнула. Ни скрипа, ни шороха. Она была заперта изнутри.

Новая волна страха накрыла её с головой, но разум всё ещё цеплялся за соломинку. Заперт изнутри? Зачем? И почему такая тишина? Ни шороха пера по бумаге, ни тихого покашливания. Только стук собственного сердца да этот гнетущий покой. А затем сквозь толстое дерево пробился едва уловимый, сладковатый запах. Тот самый аромат корицы и ванили из его кабинета, но теперь он казался приторным, тошнотворно-сладким.

— Папа! — Крик вырвался из груди сам собой, пронзительный и полный ужаса.

Ноги сами понесли её прочь по скользкой дорожке сада, не подчиняясь разуму, который оцепенел от страха. Мир сузился до узкой, промозглой тропинки, где мокрые листья стали предательски скользкими под подошвами. Она спотыкалась, падала, поднималась, не чувствуя боли.

— Я знаю, что-то случилось! — выдохнула она, ворвавшись в малый зал Цитадели, где Кир разбирал отчёты стражи. — Он заперся в кабинете!

Кир, правая рука отца, помощник, чья несокрушимость была легендой города, поднял на неё взгляд. На мгновение его лицо застыло, превратившись в ледяную маску. Промелькнувшая в глазах тень была не только скорбью, но и холодным, расчётливым ужасом человека, понимающего масштаб катастрофы ещё до того, как увидел её причину.

Вскоре дверь выбили совместными усилиями стражников. Тишина внутри кабинета показалась оглушительной.

Старый управляющий сидел в своём кресле. На массивном монолитном столе из морёного дуба царил привычный беспорядок, ворох бумаг ждал своего часа. Однако идиллическая картина была нарушена. Рука, ещё недавно сжимавшая перо, безвольно упала, опрокинув чернильницу. Тёмная лужа чернил, густая и вязкая, уже давно начала свой медленный путь по полированному дереву, пачкая всё на своём пути. Глаза старого управляющего были закрыты. Он будто спал.

В воздухе стоял приторный, тошнотворно-сладкий запах. Тот самый запах, который вчера ассоциировался с уютом, сегодня стал запахом смерти.

Лиан бросилась к нему. Ноги подкосились, она упала на колени, оказавшись лицом к лицу с ужасающей реальностью. Девушка смотрела на знакомые черты, искажённые покоем, и слёзы застилала глаза. Рука сама собой тянулась к нему, чтобы встряхнуть, разбудить... но так и не коснулась. Её сковал ужас. Она знала. Эта мысль была острой и ясной, как осколок стекла. Лиан поняла это в тот самый миг, когда увидела его умиротворённую позу. Её отец умер.

Кир переступил порог последним и плотно притворил за собой дверь. Этот тихий, но окончательный звук отсёк не просто внешний мир, а саму возможность повернуть назад. Он медленно подошёл к столу, но его взгляд намеренно скользил мимо тела тестя. Его внимание фокусировалось на деталях: на перевёрнутой чернильнице, на разбросанных бумагах, на нетронутой чашке чая, остывшей несколько часов назад.

Он наклонился, пригнувшись к воздуху, затем осторожно коснулся шеи покойника, проверяя то, что уже знал наверняка. Выпрямившись, он посмотрел на Лиан. В его глазах больше не было растерянности. В них поселилась тяжесть палача, принимающего неизбежное решение.

— Город... — его голос был глухим, словно доносился из-под земли. Он не спрашивал и не утверждал, а констатировал факт. — Город не должен узнать. Пока.

Это был приговор. Не только для них двоих, запертых в этой комнате с мертвецом, но и для всего Камнеграда. Смерть старого хранителя стабильности должна была остаться тайной до тех пор, пока новый правитель не возьмёт власть в свои руки. Иначе хаос поглотит город раньше, чем высохнут чернила на завещании.

Похороны старого управляющего прошли в свинцовой тишине, которую не осмеливался нарушить никто из скорбящих. Тот летний день выдался серым и безрадостным, низким и тяжёлым. Казалось, будто сам Камнеград с его древними каменными стенами и свинцовыми крышами скорбел вместе с близкими усопшего, придавленный общей, непоправимой утратой. Лишь шёпот ветра в голых ветвях вековых дубов, будто безмолвные стражи окружавших кладбище, вплетался в эту мёртвую тишину.

Тогда хоронили не просто человека. Город прощался со своим последним оплотом стабильности. У самого подножия холодного камня склепа, рыдала Лиан. Её плечи содрогались от беззвучных всхлипов, и этот одинокий плач был страшнее любых слов. Он был не только по отцу, но и по всему тому миру, который рухнул вместе с его смертью.

Кир стоял в стороне от основной процессии, у самой ограды. Он был подобен каменному изваянию, чужеродный и одинокий элемент в этом скорбном море чёрных одежд. Горожане, проходя мимо, бросали на него сочувственные взгляды, некоторые подходили, касались плеча, бормоча неловкие слова поддержки. Молодой человек молча кивал в ответ. Его вежливость была холодной, вымученной, а взгляд был прикован не к ним, а ко входу в склеп. В чёрных глазах отражалась тяжесть осознания, что на его плечи только что легла ответственность за целый город и жителей.

Теперь над Камнеградом нависла тень неизвестности, и в этой тьме уже давно шевелилось нечто, чему не было имени.

Глава 2

Магическая карета въехала под массивную арку ворот Камнеграда. Шум дождя мгновенно смешался с гулом живого города. За окном проплывали фасады домов, сверкающие свежей кладкой даже в такую непогоду. Город пах мокрым камнем, дымом из кузниц и свежеспеченным хлебом, густой, сытный аромат, который не мог смыть ливень.

— Чисто, — сухо констатировал Ричард Торн, глядя на патрули стражников в начищенных до блеска доспехах. Его взгляд был холодным и пронизательным, он скользил по улицам, замечая всё: и идеальную вывеску Гильдии пекарей, и слишком уж ровную брусчатку проспекта. — Слишком чисто. Порядок такого уровня стоит очень дорого.

Элиза Моррисон плотнее запахнула дорожный плащ. Её тёмные волосы выбились из-под капюшона, прилипнув к щекам, но она этого не замечала, внимательно изучая улицы через залитое дождём стекло.

— Или поддерживается страхом, — тихо добавила она. — Посмотри вниз.

Они свернули с главного проспекта в узкий переулок. Идеальная чистота кончилась. Здесь, между сырыми стенами, в нос бил совсем другой запах — гниения и отчаяния. У заколоченного окна одного из домов мелькнула тень, кто-то поспешно задёрнул ветхую штору.

— Ричард, забудь слово «коррупция». Это не нарушение, а основа их системы. Весь город на ней стоит. Стража у ворот пропустит любого за звонкую монету, в Цитадели продаются целые кварталы. А теперь добавим сюда новую напасть...

Она достала из кожаной сумки сложенный вдвое лист бумаги — письмо от некоего Кира Ворта. Но главной уликой была не сама бумага, а засушенный цветок, вложенный внутрь. Молочно-белые лепестки с внутренней стороны были густо опушены рыжеватыми волосками.

— Багульник болотный, — прошептала Элиза, достав свой блокнот. — Я проверила по справочнику. Пары вызывают головокружение, тошноту. Чтобы убить здорового человека... нужно очень постараться. Создать высокую концентрацию в закрытом помещении. Или...

— ...или знать то, чего не знаем мы, — закончил за неё Ричард, принимая цветок. Он повертел его в затянутых в перчатку пальцах. — Управляющий был стар. Слабое сердце. Никто бы не удивился естественной смерти. Но этот цветок... Возможно, это послание. Кто-то хотел, чтобы мы нашли именно его. Указал на способ убийства, который легко списать на случайность.

Карета остановилась у ступеней Цитадели. Впереди их ждали гранитные стены, тайны и запах опасности, который не мог смыть даже самый сильный ливень.

Внутри детективов встретил новый управляющий городом — Кир Ворт. Едва он вошёл в приёмную, как воздух вокруг него будто стал тяжелее. Разговоры стихли. Взгляд безразлично скользнул по лицам, нигде не останавливаясь более секунды. Но и этой краткой вспышки внимания было достаточно, чтобы человек ощутил себя изученным и оценённым. Детективы отметили для себя профессиональную выправку мужчины. Его широкая от многолетних тренировок спина и твёрдая походка бывшего путешественника сразу бросались в глаза.

Он молча провёл их по гулким коридорам в свой кабинет. Помещение было просторным, с массивным столом из тёмного дерева и окнами, выходящими на залитый дождём город. Господин Ворт жестом предложил гостям сесть, а сам остался стоять у окна, глядя на струи воды. Затем он резко развернулся, достал портсигар и закурил. Запах дорогого табака смешался с ароматом мокрого камня. Его внушительная фигура опустилась в кресло, и мебель жалобно скрипнула.

— Тестя нашли в его кабинете, — начал он без предисловий, выпуская тонкую струю дыма. От его низкого голоса, казалось, вибрировал даже воздух. — Он сидел за столом, будто

просто задремал. Всё выглядело естественно... Старик был слаб сердцем. Мы похоронили его два месяца назад. Никто не задавал вопросов.

Кир сделал паузу, стряхнул сигарету и подошёл к сейфу. Он достал небольшой свёрток из плотной ткани и положил его на стол перед детективами.

— Это нашли в кармане его сюртука. Когда приводили в порядок вещи. Я ждал, пока схлынет первая волна слухов. Теперь я хочу знать правду. В моём городе не должно быть тайн, которые убивают.

Детектив Торн едва заметно поморщился, услышав, что кто-то копался в вещах покойного. Элиза же вся подалась вперёд, ближе к столу.

Снова опустившись в кресло, новый управляющий наблюдал, как Ричард Торн разворачивает ткань. На ней лежал тот самый багульник болотный.

Элиза надела перчатки, взяла пинцет и коснулась цветка. Её брови поползли вверх от удивления.

— Это невозможно, — прошептала она. — Он свежесрезан. Будто его только что принесли, а не два месяца назад.

Кир Ворт медленно выдохнул дым, стряхивая пепел с догорающей сигареты. Он не шелохнулся в своём кресле, но вся его поза изменилась. Напряжение, сковывавшее его плечи, не исчезло, но ощутимо обрело новую, более острую форму. Он медленно перевел тяжелый взгляд с цветка на лицо Элизы. В его глазах не было удивления, лишь мрачное удовлетворение от того, что его худшие подозрения подтвердились.

Элиза перевела взгляд на господина Ворта. В её глазах читался не научный интерес, а суеверный страх. Ричард кивнул, соглашаясь. Он смотрел на заказчика.

— Вы сказали «тайн, которые убивают». Значит ли это, что смерть вашего тестя была не единственной?

Взгляд Кира остановился на лице детектива. Во взгляде не было ни просьбы, ни страха, только твёрдая решимость.

— Именно поэтому вы здесь. Не для того, чтобы копаться в прошлом старика. А чтобы найти того, кто это начал.

Детективы переглянулись. Ответы Кира были слишком лаконичными, а в голосе проскальзывали нотки тщательно сдерживаемого раздражения. Они сделали себе мысленную пометку: *при нём не задавать лишних вопросов.*

Когда речь зашла о кабинете покойного, Ричард предложил осмотреть место.

— Вы не просто поедете туда, — отрезал Кир. — Вы останетесь в поместье. До конца следствия. Там всё осталось как было. Вам будет проще работать. И безопаснее.

Последняя фраза прозвучала как предупреждение. Ричард понял намёк: *новый управляющий хочет держать их под контролем.*

Через полчаса карета уже везла детективов по мокрым улицам к мрачному зданию на окраине. Поместье старого управляющего встретило их тишиной и запахом мокрой листвы. За высокой кованой оградой раскинулся сад. Казалось, он живёт своей жизнью и ему всё равно, кто им владеет. Дорожки, выложенные светлым камнем, петляли между аккуратно подстриженными кустами, клумбами с поздними цветами и старыми, раскидистыми деревьями, чьи кроны смыкались над головой, создавая зелёный свод. В центре сада журчал небольшой фонтан, а в дальнем углу пряталась беседка, увитая диким виноградом. Даже в пасмурный день это место дышало покоем и былым величием.

Тяжёлая дубовая дверь поместья распахнулась, впуская порыв влажного ветра. Господин Ворт вошёл быстрым, размашистым шагом, оставляя на чистом полу мокрые следы, а его высокая фигура заполнила собой весь холл, отчего даже просторное помещение показалось тесным.

Из глубины дома вышла кухарка Марта. Сухонькая, но очень живая старушка. Увидев хмурое лицо хозяина, её добрая улыбка тут же погасла.

— Добро пожаловать, господа! — её голос был тёплым и мелодичным. — Я Марта, кухарка. Располагайтесь. Ваша комната готова, сейчас принесу ключи. Ужин скоро будет на столе, не извольте беспокоиться.

Детективы переглянулись. Их удивление было почти осязаемым. Господин управляющий вернулся домой, но его встречает кухарка, а не хозяйка. Это было... странно. В особняке чувствовался порядок, однако не было уюта. Они молча сделали ещё одну пометку в своих мыслях: *между господами явно не тёплые отношения.*

Кир, казалось, даже не заметил отсутствия жены. Он прошёл к массивному креслу у камина, достал портсигар и закурил. Молодой человек не чувствовал спокойствия, устремив взгляд в пустоту, он думал о чём-то своём, далёком. Дверь, ведущая из сада, с грохотом распахнулась. На пороге стояла девушка. Она была похожа на испуганного зверька. Мокрое платье облепило фигуру, длинная коса растрепалась.

Кир медленно повернул голову. Его черные глаза сузились.

— Лиан! — голос прозвучал как удар хлыста. — Где ты была? У нас гости! - Кир выделил именно это слово, намекая ей о других людях в поместье.

Господин не спросил, всё ли с ней в порядке. Он отчитывал её, как провинившегося ребёнка.

Девушка вздрогнула от его резкого тона, плечи поникли. Вся её недавняя энергия испарилась, уступив место робости и смущению.

— Я... я гуляла в саду, — пролепетала она едва слышно, не смея поднять взгляд ни на мужа, ни на незнакомцев. — Простите... я не знала.

В её голосе не было ни вызова, ни обиды, лишь покорность и глубокая, затаённая печаль. Контраст между властным, резким Киrom Воротом и этой хрупкой, застенчивой девушкой был разителен и говорил о многом.

Молодой человек не повысил голос, но его тон стал ещё холоднее и резче, будто лезвие, вынуженное из ножен. Он шагнул к жене, и его высокая фигура нависла над ней, отбрасывая длинную тень.

— Не лги мне, Лиан. Ты не гуляла в саду. Твоё платье... ты вся промокла насквозь.

Господин Ворт смотрел ей в лицо, не оставляя ни малейшего шанса на отступление. Он не спрашивал, а констатировал факт, и в его словах звучала не столько забота, сколько глухое раздражение и требование правды.

Лиан вздрогнула, как от пощёчины. Она сжала руки, сложив их в замок, её тонкие пальцы побелели. Девушка не пыталась спорить или оправдываться. Она лишь ещё ниже опустила голову, и мокрая коса упала ей на грудь.

— Простите... господин... — прошептала она едва слышно, и в этом шёпоте смешались страх и что-то ещё, похожее на безысходность. — Я... я была в саду. Мне нужно было побыть одной.

Детективы, стоявшие в стороне, обменялись быстрыми, непонимающими взглядами. Между хозяевами были отношения еще хуже, чем предполагалось. Сцена была красноречивее любых признаний. Лиан что-то скрывала. И Кир, вне всякого сомнения, знал, что именно. Но оба они были слишком горды или слишком напуганы, чтобы говорить об этом прямо, особенно при посторонних. Между ними стояла стена из недосказанности и взаимных упреков.

Стараясь не нарушать тяжёлую тишину, детективы вежливо поклонились хозяйке дома.

— Рады знакомству, госпожа Лиан. Благодарим за гостеприимство.

Не дожидаясь ответа, они направились к лестнице вслед за Мартой, которая уже ждала их с ключами от гостевой комнаты. Они оставили супругов наедине с их тайнами.

Пройдя мимо Лиан к камину, молодой человек стряхнул пепел с сигареты, оставив девушку одну посреди холла. Ее трясло. Холод мокрого платья смешался со страхом перед

мужем, пробирая до костей. Она обхватила себя руками, тщетно пытаясь унять дрожь, но взгляд оставался пустым. Он был устремлён сквозь стену дождя, туда, где пряталась её тайна.

Глава 3

Гостевая комната встретила детективов полумраком и запахом старого дерева. Это было просторное помещение, выдержанное в строгом стиле, где каждая деталь говорила о богатстве и приверженности традициям. Стены были обшиты тёмными дубовыми панелями, на которых висели тяжёлые гобелены с выцветшими охотничьими сценами. Пол устилал толстый ковёр с замысловатым орнаментом, скрадывающий шаги.

В центре комнаты, под массивной бронзовой люстрой с хрустальными подвесками, стоял большой стол и два глубоких кресла у камина, где уже были аккуратно сложены дрова, готовые вспыхнуть по первому требованию. Мистер Торн отметил резные ножки стола, тяжёлые шкафы с книгами в кожаных переплётках, секретер с чернильницей.

У противоположных стен стояли две кровати с высокими изголовьями из тёмного дерева. Плотные теплые покрывала были откинута, приглашая к отдыху. Несмотря на некоторую мрачность, комната дышала надёжностью и незыблемым порядком.

Детективы, оставшись одни, не спешили отдыхать. Они достали свои блокноты в кожаных переплётках. В тишине комнаты скрипело перо да потрескивали поленья в камине.

— Кир Ворт, — тихо проговорил Ричард, делая пометку. — Властен, жесток, привык отдавать приказы. Что-то скрывает, и это «что-то» связано не только со смертью тестя.

— Лиан, — подхватила Элиза, её взгляд был задумчив. — Напугана до смерти, находится под постоянным давлением. Она либо что-то знает, либо стала свидетельницей чего-то, что не должна была видеть. Отношения с мужем натянуты до предела.

Они записывали свои первые впечатления, понимая, что настоящие тайны этого дома только начинают приоткрываться.

Вскоре в коридоре послышались шаги, и в дверь деликатно постучала Марта, приглашая их к ужину.

Столовая поместья была под стать всему дому. Огромный стол из морёного дуба, способный вместить два десятка гостей, сейчас был сервирован на четверых. Свет свечей и магических ламп отражался в начищенном серебре и хрустальных бокалах.

За столом уже сидели хозяева. Господин Ворт сменил свой строгий чёрный рабочий камзол на дорогую белую рубашку из тонкого льна. Верхние пуговицы были расстёгнуты, а рукава небрежно закатаны, что лишь подчёркивало его мощную фигуру.

Рядом с ним сидела его жена. Она успела переодеться. Мокрое платье сменило другое, тоже тёмное, но более нарядное. Ткань мягко струилась по её фигуре, а на лифе виднелась всё та же сдержанная зелёная вышивка. Выглядела она уже спокойнее, но её глаза по-прежнему избегали прямого взгляда.

Ужин проходил в атмосфере натянутого этикета. Разговор начал Кир, его голос звучал резко и медленно, словно он продолжал совещание, а не сидел за семейным столом.

— Город бурлит, — произнёс он, разрезая мясо. — Слухи расползаются быстрее чумы. Появилась болезнь. Жители требуют действий. Стража не справляется.

Детективы слушали внимательно, не перебивая.

— Люди боятся выходить на улицу после заката. А те, кто заболел... их прячут. Как мусор. — В его голосе впервые прозвучала не только резкость, но и глухая ярость.

Лиан тихо добавила, не поднимая глаз от тарелки:

— Говорят, это кара за грехи города. За жадность и ложь.

Глаза Кира расширились. Он метнул на неё быстрый, тяжёлый взгляд, и она тут же замолчала, снова уйдя в себя.

Диалог о городе только начинался, но детективы уже поняли, что Камнеград болен не только странной хворью. Он болен страхом и гнилью, проникшими в самое его сердце. И здесь, в этом поместье, эта болезнь тоже оставила свой след.

Детективы чувствовали, как под маской светской беседы, скрывается куда больше, чем говорят хозяева. Вопрос повис в воздухе, и первым его нарушил мистер Торн, отложив вилку.

— Мы слышали о странной болезни, — начал Ричард, чтобы поддержать разговор, осторожно, глядя прямо на Кира. — И о больных. Что это за напасть? Когда это началось? Есть ли догадки о причине?

Кир на мгновение замер. Его ладонь сжалась так сильно что, казалось, могла раздавить бокал. Он медленно поставил его на стол. Раздался громкий, резкий стук, от которого Лиан вздрогнула всем телом и испуганно посмотрела на мужа. Тот ответил ей коротким, предостерегающим взглядом. Это был безмолвный приказ молчать.

— Это началось с болот, — наконец произнёс он, и его голос был подобен скрежету металла. Голос человека, привыкшего не обсуждать проблемы, а рубить их на корню. — Болотные миазмы, отравленный воздух. Раньше это были единичные случаи. Крестьяне, живущие у топей, иногда сходили с ума или покрывались язвами. Мы считали это случайностью. Болота уже много десятилетий используют для добычи торфа и ила. Они жизненно необходимы городу.

Он сделал паузу, и в этой тишине стало слышно, как потрескивает огонь в камине.

— Сейчас мы нанимаем рабочих из гильдий для добычи. Раньше этим занимались местные жители близлежащей деревни. Но теперь... Деревня почти вымерла. Болезнь изменилась. Она стала... быстреезлее.

Лиан сидела неподвижно, её пальцы судорожно комкали салфетку на коленях. Детективы заметили этот жест.

— Теперь болезнь пришла в город, — продолжил Кир, не сводя тяжёлого взгляда с детективов. Он говорил тоном командира, докладывающего обстановку. — Ей занимаются лучшие умы в Магической башне: алхимики, маги и учёные. Они ищут лекарство.

Новый управляющий выпрямился, и его осанка стала ещё более прямой, если это вообще было возможно.

— Монстров отлавливают живыми и доставляют в башню для опытов.

В его словах не было ни капли жалости или сомнения. Только констатация факта.

— До того, как стать помощником управляющего городом, я руководил этими конвоями.

Молодой человек сказал это просто, но детективы всё поняли по его виду. Перед ними сидел не просто чиновник. Это был воин, человек, водивший обозы в самое пекло, который видел этих тварей вблизи и не боялся смотреть им в глаза. По нему было видно, что он привык к крови и риску, и именно эта сила позволила ему навести в городе хоть какой-то порядок.

Но за этой каменной бронёй Ричард уловил нечто большее. Господин Ворт знал об этой болезни больше, чем говорил. Он явно что-то скрывал.

Тишина, повисшая после резкого ответа Кира, была почти осязаемой. Лиан, сидевшая всё это время неподвижно, как статуя, вдруг вздрогнула. Она аккуратно положила салфетку рядом с тарелкой, её движения были скованными и неловкими.

— Простите... — её голос был едва слышен. — Я. я неважно себя чувствую.

Не дожидаясь ответа, она резко встала из-за стола и, не поднимая глаз, почти выбежала из столовой. Хлопнула дверь, снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров в камине.

Детективы переглянулись. Элиза едва заметно кивнула в сторону двери, за которой скрылась хозяйка.

— Ваша супруга чем-то... обеспокоена? — спросил мужчина, обращаясь к господину Ворту. Его тон был вежливым, но взгляд оставался острым и внимательным. — Её состояние вызывает вопросы.

Кир сжал челюсти так, что на скулах заходили желваки. Он посмотрел на дверь с нескрываемым раздражением, будто Лиан совершила непростительный проступок. Его недовольство было очевидным. Он вздохнул.

— Жена пошла к сестре, — отрезал он, снова наполняя свой бокал. Вода плеснулась о стекло резче, чем требовалось. — Эта пристройка у дома... старый управляющий запер её там. Как зверя в клетке.

Он сделал большой глоток.

— Лиан ходит к ней. Собирает для неё травы в саду. Готовит отвары. Вот почему она была мокрой. Перебегала из пристройки в дом под дождём.

Детективы молча слушали. Теперь поведение Лиан обретало смысл. Её усталость, мокрое платье и испуганный вид — всё это было следствием не прогулки в саду, а тайных визитов к сестре. И страх в её глазах был страхом быть застигнутой.

Но вот реакция ее мужа казалась им странной. Не просто недовольство, а почти злоба.

Почему он так злится на визиты жены к собственной сестре? Что такого в этой пристройке и её узнице, что вызывает у него такую ярость?

Они не стали задавать лишних вопросов. Детективы были опытными людьми и понимали, что некоторые тайны нельзя вытягивать силой. Особенно когда хозяин дома явно не желает о них говорить.

«Мы выясним это сами», — читалось в их взглядах.

Тайна мокрого платья была разгадана. Но вместо одной загадки перед ними встала другая, куда более мрачная: *что скрывается в пристройке у дома? И почему это так злит нового управляющего Камнеграда?*

Глава 4

Ужин подошёл к концу в гнетущем молчании. Кир, не говоря ни слова, резко отодвинул стул и встал и жестом приказал детективам следовать за ним. Они прошли по длинному, слабо освещённому коридору и остановились перед массивной дубовой дверью. Кир толкнул её, та бесшумно открылась.

Кабинет старого управляющего был святилищем человека, чья жизнь прошла в управлении и отчетности. Это была большая, но уютная комната, стены которой от пола до потолка были заставлены книжными шкафами из тёмного дерева. Мебель здесь была по-настоящему богатой. Массивный письменный стол из морёного дуба с резными ножками, кожаное кресло с высокой спинкой, глубокие кресла для гостей и тяжёлый ковёр создавали облик кабинета.

Книги на полках были не для украшения. Толстые фолианты в кожаных переплётках, свод законов Камнеграда с золотым тиснением, бухгалтерские гроссбухи, тома по истории гильдий, географии и алхимии. Среди них попадались и потрёпанные записные книжки в простых переплётках, личные дневники и рабочие журналы.

На столе царил идеальный порядок, нарушенный лишь стопкой бумаг под пресс-папье в виде головы грифона. Рядом стояла чернильница с остатками засохших чернил, лежали очищенные перья и несколько сургучных печатей. Пустая чашка из-под чая дополняла картину. На полу были разбросаны бумаги, будто кто-то открывал окно для проветривания, заметила Элиза.

Но главным объектом в комнате было кресло. Теперь оно стояло чуть поодаль от стола, у окна, из которого открывался вид на город. Глубокое, уютное кресло с потёртой обивкой. Именно здесь, по словам господина Ворта, и нашли старика.

Кир прошёл в центр комнаты и остановился, скрестив руки на груди. Его голос, обычно резкий, здесь прозвучал почти буднично, но в нём всё равно чувствовалась легкая напряженность.

— В тот вечер я был в Цитадели. Поздно вечером прибежала жена. Она была в панике. Сказала, что не может достучаться до тестя. Дверь была заперта изнутри.

Он подошёл к креслу и встал рядом с ним.

— Мы взломали дверь. Он сидел здесь. В этом кресле... Казалось, что просто спит. Сердечный приступ. Так сказал городской врач.

Кир замолчал, глядя на кресло так, будто старик мог в любой момент снова занять своё место.

— На столе лежали его обычные бумаги. Ничего подозрительного. Но когда мы стали готовить тело к погребению... Марта нашла цветок в кармане его сюртука.

Он сделал паузу и посмотрел на детективов своим пронзительным красным взглядом.

— Тот самый цветок. Багульник болотный. Я не придавал этому значения тогда. Решил, что старик просто сорвал его где-то по пути домой. Но теперь... теперь я хочу знать правду.

В кабинете повисла тяжёлая тишина. Детективы начали методично осматривать комнату. Они изучали бумаги на столе, листали книги на полках, заглядывали в ящики. Воздух здесь был пропитан запахом старой бумаги, воска и какой-то едва уловимой тревогой. Тайна старого управляющего ждала своего часа в этих стенах.

Кир подошёл к окну и долго смотрел в темноту ночи, прежде чем снова заговорить. Его широкие плечи были напряжены, и детективы чувствовали, что он подбирает слова.

— Честно говоря, — начал он, и в его голосе впервые проскользнула нотка усталости, смешанной с раздражением, — первые два месяца мне было не до этого. Город горел. Гильдии грызлись. Эта новая болезнь... Я был нужен на улицах, а не в кабинете, разбирая бумаги покойника. Я хотел просто похоронить старика и забыть.

Он резко развернулся, его черные глаза блеснули в свете настольной лампы.

— Но что-то не давало мне покоя. Этот цветок. Он не был похож на случайность. Он был... чужим здесь, как заноза.

Кир потушил недокуренную сигарету в пепельнице на столе и тут же достал новую. Он очень много курил.

— Я вызвал Марту. Попросил её сходить к старому травнику. Тот, хоть и выжил из ума, но растения знает. Она вернулась с ответом. Это багульник болотный. И его свойства... — он сделал паузу, прикуривая, — ...не могли отправить на тот свет человека, но могли вызвать галлюцинации. Особенно если пары были сильными. У него было слабое сердце. — констатировал молодой человек.

Детективы переглянулись. Элиза подошла к столу и провела пальцем по пресс-папье.

— Значит, это не просто цветок. Это орудие. Или предупреждение. Кто-то знал о его свойствах. Кто-то принёс его сюда намеренно.

Ричард кивнул, его взгляд скользил по корешкам книг.

— Все возможно. Это только предположение. Вопрос в том, кто и зачем? И почему именно старый управляющий?

Кир молча курил, наблюдая за ними.

Детективы принялись за работу. Они действовали методично, как единый механизм. Элиза начала простукивать панели на стенах в поисках тайников, а Ричард занялся массивным письменным столом. Удача улыбнулась ему довольно быстро. После нажатия на один из резных элементов сбоку стола раздался тихий щелчок. Центральный ящик выдвинулся дальше обычного, открывая узкую нишу.

Внутри лежал единственный пожелтевший лист бумаги, сложенный вчетверо. Мужчина осторожно развернул его и пробежал глазами текст. Его лицо стало серьёзным.

— Здесь письмо, — сказал он, протягивая лист напарнице. — Угроза.

Они прочли его. Почерк был неровным, торопливым, словно писавший очень спешил или боялся.

«Ты лезешь не в своё дело. Оставь болота в покое. Остановись или следующая беда настигнет тебя в твоём собственном доме».

Внизу стояла лишь одна буква: «К».

Ричард нахмурился, мысленно отметив букву "К". Интуиция кричала ему запомнить находку.

Детективы посмотрели на Кира. В его широко открытых глазах читалось что-то еще. Он взял письмо, прочитал его и сжал кулак так, что бумага смялась.

— Болота... — процедил он сквозь зубы. — Значит, он всё-таки что-то нашёл. Или кого-то разозлил.

Стоя в центре кабинета, новый управляющий говорил, обращаясь скорее к самому себе, и вспоминал обрывки разговоров с алхимиками и отчёты учёных, которые стекались в цитадель.

— Они говорят о миазмах, о каком-то древнем яде, о спорах в воде... Но это всё пустые слова! За ними ничего нет, ни лекарства, ни понимания. Мы просто запираем монстров в клетках и смотрим, как они воют, — Кир нервно хмыкнул.

Он окончательно смял в кулаке письмо с угрозой, его лицо исказилось от гнева и бессилия. Детективы молча фиксировали каждое его слово, каждый жест. Они видели перед собой не просто воина или управляющего, а человека, загнанного в угол обстоятельствами, которые были сильнее его.

Вскоре они вышли из кабинета в гулкий холл поместья. Лиан всё ещё не было видно. Тишина дома давила на плечи. Гостям нужно было узнать больше о семье, и лучшим источником информации, не считая скрытного Кира, была Марта.

Они нашли её на кухне. Старушка хлопотала у печи, но встретила их с добродушной улыбкой и без малейшего удивления.

Задавая вопросы, детективы действовали осторожно, маскируя главный интерес под праздное любопытство.

— Марта, — мягко начала Элиза, — в этом доме такая атмосфера... Сразу видно, что у него долгая история. А вы, похоже, знаете все его секреты. Давно вы здесь служите? — начала Элиза.

— О, милая, — вздохнула кухарка, вытирая руки о передник. — Я помню старого хозяина ещё молодым. И его жену, да упокоит её душа... Лет двадцать, наверное. А то и больше.

— Вы упомянули, что помните его молодым. В то время, наверное, в доме было шумно? Он был окружён большой семьёй?

Марта на мгновение замерла, её взгляд стал настороженным.

— Жена и две дочери. Мира и Лиан. Хорошие девочки... — она снова осеклась и понизила голос. — Жена умерла десять лет назад. Пневмония... Не спасли. А Мира... — кухарка бросила быстрый взгляд на дверь, словно боясь, что их подслушивают. — Мира вышла замуж и уехала. Господин не любит, когда о ней говорят. Запретил даже имя её произносить.

Она перевела дух и продолжила уже тише:

— Лиан — младшая. Тихая она всегда была домашняя.

Картина становилась яснее.

— В городе говорят, что повышение господина Кира было... стремительным, — осторожно заметил мужчина. — Многие до сих пор гадают, как человеку с его прошлым удалось занять этот пост. Марта усмехнулась, но в её улыбке не было тепла.

— Стремительно? Это мягко сказано. Господин — человек толковый, этого не отнять. Сильный. Но... — она замолчала, подбирая слова. — Старому хозяину нужен был помощник. Надёжный, как скала. Он выбрал господина Ворта. И чтобы привязать его к семье крепче... — кухарка вздохнула. — Он их поженил. Быстро всё сделали без любви. По расчёту это было.

Детективам стало всё окончательно понятно. Отношения в семье нового управляющего были не просто натянутыми. Они были построены на холодном расчёте старого человека, у которого была власть.

Лиан была пешкой в политической игре своего отца. Её выдали замуж за сильного воина, чтобы обеспечить верность преемника. Кир же был вынужден принять эту сделку. Власть и положение в обмен на жизнь с нелюбимой женой. И теперь эта трещина, заложенная много лет назад, превратилась в пропасть, полную недомолвок и взаимной боли.

Марта, растроганная их вниманием и, возможно, собственными воспоминаниями, присела на краешек стула и сложила натруженные руки на коленях. Её взгляд стал далёким, устремлённым сквозь стены кухни, в прошлое.

— Свадьба... — тихо начала она, и в её голосе прозвучала непривычная грусть. — Я помню её так, будто это было вчера. В главном зале Цитадели. Народу было — не протолкнуться. Все важные люди города. А она...

Кухарка покачала головой.

— Лиан стояла у алтаря, худенькая, как тростинка. В белом платье, которое ей было почти велико. Она... она была похожа на маленькую испуганную девочку, которую заставили играть во взрослую игру. В руках девочка сжимала букет лилий так крепко, что сок из цветов просачивался сквозь тканевую ленту. Глаза... глаза бедняжки были на мокром месте.

Марта вздохнула, вытирая набевшую слезу уголком передника.

— Рядом с ней стоял господин. Мрачный, как туча. В своём лучшем чёрном камзоле. Но радости в нём не было ни на грош. Он стоял там, будто его привели на казнь, а не на собственную свадьбу. Такой же прямой и каменный, как и всегда.

Она замолчала на мгновение, собираясь с мыслями.

— Когда пришло время... ну, вы понимаете... поцеловать невесту. Он наклонился к ней. Не поцеловал в губы, нет. Просто коснулся её макушки. Тихо так. И сразу же развернулся и ушёл. Не остался на пир, не стал слушать поздравление гостей. Просто ушёл исполнять свои обязанности.

Марта подняла глаза на детективов, и в них читалась жалость.

— Старый управляющий... он стоял рядом. Смотрел на всё это. И он не был доволен дочерью. Всё шептал ей на ухо: «Держи спину прямо. Улыбайся. Не расстраивай мужа. Ты теперь жена помощника управляющего, а не деревенская девчонка», намекая на ее старшую сестру. Он всё требовал, чтобы она была веселее, чтобы радовалась. Девочка лишь ниже опустила голову, пока по ее щеке не скатилась слеза, падая прямо на белые лилии.

Детективы слушали молча. Эта картина была красноречивее любых признаний.

Брак по расчёту, устроенный старым властным отцом. Юная, хрупкая и запуганная невеста. И суровый, преданный долгу воин, для которого этот союз был лишь частью сделки.

Неудивительно, что в этом доме не было тепла, что Лиан искала утешения у сестры-изгнанницы, а Кир прятался за маской жестокости. Их семейная жизнь началась не от любви, а с приговора, вынесенного много лет назад.

Марта, закончив свой рассказ, мягко, но настойчиво попросилась с детективами. Она пожелала им спокойной ночи и, шаркая ногами, удалилась в свои покои, оставив их одних в тишине погружающегося в сон дома.

Тайна отношений в семье господина управляющего была раскрыта.

Глава 5

Пока детективы ушли вглубь поместья, молодой человек спустился в гостиную и сел в кресло у камина. Он остался там, словно каменное изваяние, окружённый стопками бумаг. Свет от огня и настольной магической лампы выхватывал из полумрака его сосредоточенное лицо. Он не читал, а сверял. Листы с бухгалтерией старого управляющего лежали вперемешку с его собственными отчётами. Цифры не сходились. Глаза Кира бегали по строчкам, и с каждой минутой его лицо становилось всё мрачнее.

С тех пор как умер тесть, Кир Ворт методично забирал все бумаги из его кабинета. И чем больше он вчитывался в эти строки, тем яснее ему становилось, что наставник, человек, которого он уважал за педантичность и несгибаемую волю, чьё слово в городе было законом, оказался... некомпетентен? Или ленив? Это не укладывалось в голове. Кир помнил его вечно занятым, то он корпел над счетами в своём домашнем кабинете, то вёл долгие переговоры с гильдмейстерами. Старик создавал образ человека, держащего весь город на своих плечах. Пока его правая рука - Кир Ворт, занимался порядком в городе, контролем добычи и поставками торфа и ила по городу и в Магическую башню. Плохая работа была скрыта за ширмой мнимой занятости. Он был в кабинете не для того, чтобы думать о благе города. Он что-то скрывал. Его постоянные поездки, его занятость — всё это было фикцией.

Но теперь перед новым управляющим лежало доказательство халатности, взяток и покрывании преступлений. Городской механизм скрипел и давал сбои не из-за внешних угроз или козней врагов. Он разваливался изнутри из-за бездействия того, кто должен был быть его главным инженером.

Кир скрипнул зубами от злости.

Город погряз в болезни и коррупции одновременно. Пока на улицах люди превращались в монстров, а алхимики разводили руками, казна пустела. Недостачи с каменоломен — основы богатства Камнеграда — были колоссальными. Камень продавали на сторону, гильдии завышали цены на всё подряд, а страдал от этого простой народ.

Молодой человек с силой захлопнул грессбух.

Завтра. Завтра он вызовет казначея. И этот разговор будет очень неприятным. Возможно, слишком много слов будет сказано о виселице и плахе. Кир не был палачом, но он был воином. Он знал, чтобы спасти здоровое от гниения, нужно вырезать гниль по живому.

Кир откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Тишина дома давила на него. Он остался один. Один на один с этой проклятой болезнью, с этой коррупцией, с этим городом, который требовал от него невозможного.

Преемник получил в наследство не власть и богатство.

Он получил руины.

Злость была глухой и безадресной. Её вызывала сама ситуация, бесконечная бумажная возня, вскрытые хищения... И главное — осознание того, что даже здесь, в тишине у камина, для него нет и не будет покоя.

Господин управляющий вспомнил о письме, которое пришло днем из Магической башне. Потом. Прочтет потом.

Детективы, утомлённые долгим днём, насыщенным событиями и новыми лицами, после разговора с Мартой, молча поднялись в свою комнату. Они были слишком вымотаны, чтобы обсуждать услышанное сейчас. Дождь за окном наконец прекратился, в наступившей тишине было слышно лишь их собственное дыхание и потрескивание дров в камине. Сон пришёл быстро, тяжёлый и без сновидений.

А внизу, в холле, скрипнула входная дверь. Вернулась Лиан. Она была одна, и её шаги были едва слышны.

Кир поднял голову от бумаг. Его взгляд, и без того тяжёлый, стал ледяным. Он, нахмурясь, молча смотрел, как она снимает мокрый плащ, как её плечи вздрагивают от усталости или холода.

— Лиан. — его голос прозвучал резко, разрушая тишину.

Она вздрогнула и обернулась, будто её поймали на месте преступления.

— Нужно поговорить. — Он остался сидеть. — Ты ведёшь себя неподобающе. При гостях ты убегаешь из-за стола... Что они должны думать?

Лиан стояла перед ним, опустив голову. Её молчание только сильнее распалило его гнев.

— И это... это твоё каждодневное бегство к ней. Ты была вся мокрая! Ты даже не пытаешься скрыть это!

— Ей хуже, господин... — прошептала Лиан дрожащим голосом. Слёзы уже катились по её щекам. — Я видела её сегодня. Болезнь... она прогрессирует. Ей очень плохо.

Кир ударил кулаком по подлокотнику кресла.

— Я не желаю об этом слышать! — его голос эхом разнёсся по пустому холлу. — Ей здесь не место! Это дом управляющего! А не приют для больных тварей! Ты должна прекратить эти визиты! - Кир встал из кресла и подошел слишком близко к девушке.

Лиан закрыла лицо руками и разрыдалась, не в силах больше сдерживаться. Она стояла посреди холла. Хрупкая, сломленная девушка в платье не по размеру, а над ней нависала грозная тень её мужа, для которого долг и репутация были важнее сострадания.

За его гневом и холодным приказом скрывался страх. Иррациональный страх. Господин Ворт боялся не за репутацию и не за порядок в доме. Он боялся, что зараза, поселившаяся в теле сестры Лиан, перекинется на них. На весь дом. В отчетах ученых и алхимиков он читал о предположении, что это заразно. Помнил, как быстро мутирует болезнь. Но больше всего он боялся, что в городе узнают, что у нового управляющего скрывается монстр. Именно таких же он приказал отлавливать в городе и конвоировать в Магическую башню.

Что дальше? Его сместят? Будет бунт?

Для него сестра жены была не человеком, а бомбой замедленного действия, источником смертельной опасности. Сразу после смерти старого управляющего он принял решение, что её нужно изолировать. Не в пристройке, а отвезти в Магическую башню. Там, за толстыми стенами и защитными рунами, где алхимики смогут изучать её, не рискуя остальным миром.

Сразу после смерти тестя он сообщил об этом Лиан.

Именно тогда увидел её такой, какой не видел никогда. Девушка не спорила, не кричала. Она просто рухнула на колени перед ним, вцепившись в его сапоги и зарыдала. Это были не тихие слёзы покорности, а отчаянные, рвущие душу рыдания.

— Пожалуйста... умоляю Вас! — её голос срывался на хрип. — Не отправляйте её туда! Башня — это не дом, это склеп! Вы не видели, что они там делают... Она не выживет там и недели! Позволь ей умереть здесь... дома...

Как раз Кир видел, что происходит с монстрами. Он задумался.

Девушка понимала, что дни сестры сочтены. Понимала, что в башне её ждёт не лечение, а медленная пытка под присмотром людей в масках. И она знала, что это будет на её совести.

Кир стоял, каменный и неподвижный, глядя на рыдающую у его ног жену. Он мог бы приказать поднять её, мог просто перешагнуть. Но в её мольбе было столько отчаяния, что его собственная решимость дала трещину.

Он согласился. Оставил Миру в пристройке.

Но это стало его личным адом. Жена с головой ушла в заботу о сестре. Она и без того была скромной и неразговорчивой, а теперь и вовсе превратилась в тень. Пока Кир уходил в город, Лиан одержимо выращивала в саду целебные травы и варила обезболивающие отвары на кухне пристройки. Она кормила сестру с ложечки, обтирала её потрескавшееся от жара тело и говорила с ней часами, когда та впадала в забытье.

Молодому человеку и так не нравилось, что его насильно женили. Так еще на ком? На мыши прячущейся по углам? Тени? Кир прекрасно знал женский нрав. Понимал и принимал женское тепло и внимание. Он был отнюдь не зажатый, наоборот, внимательным и галантным?

Ничего из этого не помогало ему в общении с женой. Он даже не пытался. Порой, ему было тошно смотреть на девушку. Киру не нравилось. Совсем не нравилось. Когда был старый управляющий жив, молодой человек постоянно пропадал на службе. Иногда не был в поместье неделями. Приходил только по вызову наставника, в его кабинет. Но случилось, что случилось. И на него упал и город, и серое нечто, бегающее к живому трупу.

Господин Ворт отдал строжайший приказ Марте: «К пристройке не приближаться». Старушка готовила еду для всех в основном доме с особой тщательностью, но к самой пристройке не смела приближаться под страхом увольнения. Еду для Миры носила Лиан. Кир держал дистанцию. Он не подходил к жене после её визитов к сестре. Не прикасался к ней. Их брак был мёртв с самого начала, но теперь эта болезнь стала физической, осязаемой пропастью между ними.

Сейчас рыдания Лиан постепенно стихли, перейдя в тихие, судорожные всхлипы. Её плечи были опущены, а в глазах стояла бездонная усталость. Она не сказала больше ни слова. Лишь бросила на Кира взгляд, в котором смешались мольба, обида и бесконечная, измождённая покорность. Затем она развернулась и медленно, словно старуха, побрела к себе в комнату.

Кир не окликнул её. Он даже не проводил её взглядом. Просто слушал, как затихают шаги на лестнице, и снова остался один на один с бумагами и своими мыслями. Сигарета догорала, пуская свой дым.

Огонь в камине почти потух, но новый управляющий этого не замечал. Он сидел, склонившись над бумагами, и его лицо в полумраке казалось высеченным из того же серого гранита, что и стены города. Надо было искать следы теста.

И он их находил.

Раздался звук торопливых, тяжёлых шагов. Шуриание бумаг, звук падающих на пол предметов.

— Так... так... — тяжело дыша. — Думай! Просто думай!

Человек снова зашагал. Звук выдвигаемого ящика стола, лихорадочный перебор содержимого.

— Почему?! Почему ты это сделал, идиот?! Какого чёрта?! Мы же всё решили! Ты должен был просто делать то, что мы обговорили! Не оставлять следов! А не... — резкий выдох, похожий на всхлип.

Глухой удар кулаком по столу. Шелест разлетающихся листов. Мужчина резко замирает, щелкает пальцами. Над столом вспыхивает тусклый синий огонек, освещая хаос из свитков и чернилниц. Он хватается ближайший пергамент и бросает его на пол.

— Это бред. Никто ничего не докажет. Показания — это просто слова. Слова против слов. — Тихий шёпот. — А что я скажу? Тайны... Какие тайны? У нас нет никаких тайн. Есть только старые бумаги. Несчастный случай. Все поверят в несчастный случай. Я спокоен. Я абсолютно спокоен. Нет доказательств.

Он внезапно замирает. Прислушивается к чему-то за дверью.

— Что это было?.. Показалось... Да где эта лампа?! — вытирает пот со лба тыльной стороной ладони.

— Они скоро будут здесь. Эти... с вопросами. А потом начнут копать. И найдут. Они всегда находят. Надо было сжечь всё. Сразу. В ту же ночь.

— Дурак. Зачем ты это сделал? Теперь как поступить? Снова поговорить, но уже с новым? Да он ещё хуже чем прошлый.

Тёмной тенью мужчина подошёл к окну, отдернул штору. Свет от магического фонаря просочился в комнату. Лампа лежала на полу, у стола. Но желания зажечь её уже не было.

Глава 6

Утро ворвалось в Камнеград смывая всю вчерашнюю мрачность. После продолжительного ночного ливня воздух стал кристально чистым и свежим, наполнившись ароматами мокрой земли, цветущих лип и свежескошенной травы. Солнце, ещё не успевшее набрать полуденный зной, заливало улицы тёплым, ласковым светом.

Поместье старого управляющего преобразилось. Серый гранит стен, умытый дождём, теперь сверкал, а в саду, где Лиан уже копалась в цветах, каждая капля росы на лепестках сияла, как бриллиант. Птицы пели так звонко, что их трели заглушали даже далёкий шум города. Атмосфера стояла доброжелательная, почти идиллическая. Даже Марта, хлопотавшая на кухне, радостно поздоровалась с детективами, словно вчерашних мрачных тайн и не существовало.

Новый управляющий уже был собран. Он стоял в холле, застёгивая последние пуговицы на чёрном камзоле. Его лицо было непроницаемо, но в глазах читалась ужасная усталость. Он коротко кивнул детективам.

— Я в Цитадель. Город в вашем распоряжении.

После завтрака Ричард и Элиза, придевшись, вышли за пределы поместья.

Предчувствие у мистера Торна было хорошим. Он надел свой любимый костюм цвета пыли и расстегнул верхнюю пуговицу на белой рубашке, придав себе «отпускной» вид клерка на курорте.

Элиза окинула его скептическим взглядом и вздохнула. Сама она нарядилась в синюю юбку с высокой талией, струившуюся до пола подобно античной колонне. Кремовая рубашка с рюшами была прикрыта коричневой шалью, а строгий пучок и шляпка завершали образ.

— Элиза. Что за вид? — рассмеялся Ричард.

— Ты о чём? — её весёлый тон говорил, что ситуация её забавляет. — Кем мы будем на этот раз?

— Хм пожалуй, парой, — он похлопал себя по предплечью, приглашая взять его под руку.

— Пара, значит? И что же мы тут забыли? Нас ведь будут спрашивать.

Женщина кокетливо подошла и взяла его под локоть.

— Скажем, что присматриваем дом. Это объяснит интерес двух приезжих к городу и его делам.

Элиза довольно кивнула. История про гостей ей понравилась.

Солнце светило ярко, но не могло прогреть остывшие за ночь камни города. Вчерашний ливень смыл не только пыль с узких улочек, но и саму жизнь из этого процветающего, но напуганного города. Воздух был кристально чист, пах мокрой известью, конским навозом и, откуда-то издалека сладковатым дымом.

Мостовые, выложенные крупным булыжником, превратились в мозаику из сотен крошечных зеркал. Каждый камень блестел и отражал бездонную синеву неба, делая город похожим на драгоценную шкатулку. Вода ещё стекала тонкими струйками с крыш домов, образуя в сточных канавах бурные потоки, несшие с собой мусор и опавшие листья. Несмотря на солнечный день, улицы были непривычно пустынные. Из-за приоткрытых дубовых ставен лавки оружейника доносился звон стали кувалды, кузнец уже работал с первых лучей еще летнего солнца. Из пекарни на углу валил густой, сытный запах свежего ржаного хлеба, смешиваясь с ароматом мокрого дерева. У входа переминался с ноги на ногу единственный покупатель в плотном плаще с капюшоном, низко надвинутым на лицо.

Но стоило выйти на Главную площадь, как картина менялась. Здесь жизнь кипела с раннего утра. Крики торговцев, расхваливающих свой товар от свежей рыбы до глиняных горшков, сплетались в единый гул.

Где-то в стороне, у колодца, носилась стайка мальчишек, играя в догонялки между телегами и лужами. Их звонкие голоса эхом отражались от стен ратуши. В центре площади бил фонтан. Его струи, подсвеченные солнцем, рассыпались на тысячи алмазных брызг. Это было сердце города, символ его богатства и независимости.

Стражи было неестественно много. Они стояли группами по углам площади, их алебарды тускло поблескивали на солнце. Взгляды были цепкими, они не просто наблюдали за порядком на рынке, а высматривали чужаков, прислушивались к разговорам и следили за каждым движением. Их присутствие было молчаливым обещанием, что любой бунт или паника будут подавлены в зародыше.

Если приглядеться, то было в городе нечто обыденное, но невероятно чудесное. Магия. В Камнеграде магия не была ни чудом, ни тайным искусством, доступным лишь избранным. Она была такой же частью быта, как колодец во дворе или печь на кухне. Это была бытовая, простая магия. Слабая, но надёжная, она передавалась из поколения в поколение вместе с семейными рецептами и старыми сапогами. Ею владели почти все, чтобы сделать тяжёлую жизнь немного легче. Не сила для великих подвигов, а тихая помощница в повседневных делах. Для жителя города зажечь огонь щелчком пальцев или подогреть похлёбку без дров было так же естественно, как дышать.

Элиза заметила, проходя мимо чьего-то дома, что на первом этаже хозяйка не махала руками над котлом. Женщина делала легкий ветерок, чтобы остудить утреннюю кашу для своих мальцов, ждущих завтрак. В городе никто не тратил целый день на стирку белья в реке. Женщины использовали простейшие очищающие магические камни. Бельё складывали в дубовую кадку, грязь просто отделялась от ткани, оседая на дне тёмным илом. Оставалось лишь прополоскать и развесить. Полы в богатых домах подметали не веником, а маленьким воздушным вихрем, который послушно собирал пыль в один аккуратный комок.

Как на Главной площади, так и на всех улицах стояли высокие магические фонари, дававшие свет ночному городу. Даже маленькие дети ловко могли сделать «водяные змейки» размером не больше ладони. Они заставляли их гоняться друг за другом по лужам, поднимать в воздух опавшие листья или даже пытаться сбить шляпу с зазевавшегося прохожего, за что обычно получали подзатыльник. Это была простая, безопасная и невероятно весёлая магия детства, первый шаг к освоению сил, которые во взрослой жизни станут лишь скучным инструментом.

Что же до стражи. Вместо того чтобы плести защитные барьеры или оттачивать свои навыки, товарищи занимались куда более приземлённым делом. Они лениво поигрывали с крошечными языками пламени на кончиках пальцев, прикуривая крепкий табак, и выпускали в прохладный воздух густые клубы дыма, зорко, не без особого интереса поглядывая по сторонам.

На гостей смотрели отовсюду. Из-за каждого окна и угла. Взгляды были не дружелюбными, а оценивающими и колючими. Торговцы на порогах своих лавок натягивали на лица широкие улыбки, но их глаза оставались холодными и цепкими. Они не ждали покупателей — они ждали, кого бы облапошить.

Глава 7

Конец августа выдался в Камнеграде обманчивым. Дневное солнце ещё припекало плечи, но воздух уже изменился — он стал прозрачным, колким и нёс с собой запахи прелых листьев и далёкого дыма. Город готовился к осени суетливо: во дворах жгли костры, из окон тянуло свежим деревом от вставляемых рам, а рыночные площади были завалены последними телегами поздних яблок.

Над хаотичным лабиринтом лавок ремесленных кварталов, над строгими фасадами гильдий и сонными крышами спальных районов возвышалась Цитадель. Она занимала господствующую высоту, словно корона на голове исполина. Окружённая собственной, несоразмерно высокой внутренней стеной из тёмного камня, она казалась городом в городе, отрезанным от суеты внизу.

Подойдя ближе, можно было оценить истинный масштаб сооружения. Внутренняя стена была сложена из виртуозно обтёсанных блоков, гораздо массивнее тех, что использовались в остальной части города. Единственные ворота, окованные потемневшим от времени железом с замысловатыми вензелями, вели в широкий проход, где всегда отражалось солнце, будто пришедший попадал в совершенно другой мир.

За ними открывался внутренний двор, вымощенный идеально подогнанными плитами серого камня. Это было пространство абсолютной тишины, резко контрастирующее с шумом городских улиц. В центре двора стоял фонтан; его монотонное журчание оставалось единственным звуком, нарушавшим безмолвие. По периметру располагались скамьи для отдыха стражи или редких посетителей. Здесь царил идеальная чистота, а из зелени были лишь ровно подстриженные кусты барбариса, чьи строгие геометрические линии подчёркивали военную выправку этого места.

Всё здесь было дорогим и статным: от полированного гранита мостовой до искуснойковки ворот. Цитадель не скрывала своего богатства, а выставляла его напоказ, хвастливо заявляя о могуществе и процветании Камнеграда. Именно за этими стенами, в залах Приёмной, холодных помещениях Суда и гулких коридорах Казарм, вершились судьбы и писалась настоящая история города.

В высоком кабинете Цитадели разворачивалась немая сцена. Кир Ворт был в ярости. Он не кричал. Его голос был низким, вибрирующим от едва сдерживаемой злости, что пугало гораздо больше любого крика. Помощники перед его столом стояли бледные и съёжившиеся, словно пытаясь стать невидимыми.

— Вызвать казначея. Немедленно!

Через несколько минут тяжёлая дверь бесшумно распахнулась, и в кабинет вкатился казначей. Толстый, наглый мужчина с хитрыми, бегающими глазками и пухлыми пальцами, униженными перстнями. От него пахло приторными дорогими духами, которые не могли перебить кислый запах пота. Он посмотрел на нового управляющего с плохо скрываемым презрением. Для него Кир был всего лишь мальчишкой-выскочкой, который по недоразумению занял место старика и уж точно не посмеет тронуть устоявшиеся многолетние схемы. С новым управляющим казначей никогда не общался. Он знал, что старик его взял для управления добычей сырья на болотах и конвоя монстров.

— Господин Ворт? — его голос был масляным и приторным. — Чем обязан?

Кир не ответил. Он медленно поднялся из-за стола и сделал шаг вперёд. В кабинете стало темнее, будто солнце за окном внезапно зашло за тучу.

— Махинации с каменоломнями. Завышение цен гильдиями. Недостача в казне! — голос Кира был подобен грому. Он говорил резкие, хлёсткие слова, каждое из которых било казначея наотмашь.

Толстяк лишь ухмыльнулся.

— Мальчик мой, ты слишком много на себя берёшь...

Он не успел договорить. Кир резко выбросил руку вперёд, и по стенам кабинета поползли тени. Они были неестественно густыми, живыми. Они потянулись к казначею, обвили его ноги, поползли по телу.

Кир шагнул в тень и тут же возник прямо перед толстяком.

— Обращайся ко мне «господин управляющий» — прорычал он ему в лицо.

В следующий миг тени сгустились вокруг казначея чёрным коконом. Он почувствовал невыносимый холод и панический ужас. Он открыл рот, чтобы закричать, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип.

— А-а-а! Пощади... те! — наконец завопил он во весь голос, падая на колени. Его наглость испарилась, уступив место животному страху. Он кричал от ужаса, глядя в черные глаза Кира Ворта, в которых не было ни капли жалости.

Магия теней была даром и проклятием Кира Ворта. Это была не просто способность создавать тени, а власть над самой сутью темноты, подчиняющейся лишь его воле. С её помощью он мог знать, что происходит даже в укромных уголках города, где уличные крысы доедали объедки. Мог слышать шёпот за закрытыми дверями, следить за тайными встречами и видеть то, что скрыто от глаз обычных людей.

Именно поэтому старый управляющий так вцепился в него. Ему был нужен не просто сильный воин, а всевидящий страж, способный держать в узде коррумпированных гильдмастеров и нечистых на руку торговцев. Кир был его опорой и единственным наследником.

Но у этой силы была своя цена. Днём, под ярким солнцем, теней становилось меньше, и их было сложнее призвать. Каждое использование магии отнимало у Кира огромное количество сил, оставляя его опустошённым и уязвимым. Поэтому он использовал её лишь в крайних случаях, предпочитая решать проблемы сталью и словом. Но когда он всё же прибегал к ней, эффект был сокрушительным.

Казначея, всё ещё дрожащего от пережитого ужаса, поспешно вывели из кабинета двое стражников. Его наглая ухмылка сменилась мертвенной бледностью, а от былой самоуверенности не осталось и следа.

Новый управляющий резко сел в кресло и зажег сигарету.

Не успел затихнуть звук шагов в коридоре, как в дверь постучали, и на пороге возник новый посетитель. Это был глава гильдии каменщиков: высокий, надменный мужчина в дорогой одежде, расшитой серебряной нитью. Он вошёл в кабинет с видом человека, который делает огромное одолжение своим присутствием.

— Господин Ворт, — протянул он с ленивой усмешкой. — Я слышал, вы тут... наводите порядок? Надеюсь, это не займёт много времени. У меня много дел.

Он окинул молодого человека оценивающим взглядом, словно смотрел на неразумного ребёнка, играющего во взрослые игры.

Кир медленно поднялся из-за стола. Он не использовал магию. В этом не было нужды. Его собственная аура сейчас была тяжелее любого заклятия.

— Твои дела, — начал он тихо, но каждое слово падало, как камень, — это грабить город? Ты и твои люди завышаете цены на камень. Вы воруете у горожан и у меня. Твоя гильдия — это сборище воров.

Улыбка сползла с лица главы гильдии.

— Ты забываешься, мальчишка...

— Я — управляющий Камнеграда, — голос Кира разрезал воздух, как клинок. — И я не мальчишка. Я тот, кто видел больше крови, чем ты можешь себе представить. Ещё одно слово — и ты узнаешь, каково это, когда тьма становится твоим тюремщиком.

Он сделал паузу, подойдя к главе гильдии вплотную.

— А теперь пошёл вон. И молись, чтобы я не нашёл в твоих отчётах ещё чего-нибудь... интересного.

Глава гильдии хотел было что-то возразить, но наткнулся на взгляд Кира Ворта. Он был холодный и пронзительный. Глава гильдии понял, что этот человек не блефует. Новый управляющий действительно способен на всё.

Недовольно поджав губы и бросив на Кира взгляд, полный бессильной злобы, мужчина развернулся и вышел из кабинета, громко хлопнув дверью.

Господин Ворт остался один. Он подошёл к окну и посмотрел на залитый солнцем город. Затянулся, выпуская обратно клубы дыма. Его руки слегка дрожали от напряжения. Сила теней и этот разговор отняли у него много энергии. Но дело было сделано. Он показал им всем, что в Камнеграде появился новый хозяин. И шутки с ним плохи.

Что ж значит они начали действовать.

Атмосфера в верхних эшелонах власти города стала плотной и вязкой, как смола. В роскошных кабинетах гильдий, в прокуренных комнатах купеческих собраний, в тихих залах богатых домов поселился липкий, душливый страх. Страх облавы.

Управленцы и торгаши, ещё вчера чувствовавшие себя хозяевами жизни, теперь вздрагивали от каждого стука в дверь. Они помнили, как в тишине их сальных, самодовольных будней вдруг появлялся он — Кир Ворт. Не с бумагами и вежливыми просьбами, как его предшественник, а с отрядом суровых стражников за спиной. Тот, на которого намеренно не обращали внимание, начал вмешиваться в привычный уклад их жизни.

Эти картины были свежи в их памяти. Особенно недавние, пока ещё редкие облавы. В ней отпечаталось, как двери их складов срывались с петель, земля разверзалась под ногами от магии теней, а собственные голоса, произносившие крамольные слова на тайных встречах, звучали из уст нового управляющего. Они не забыли, как «самых жирных», тех, кто воровал без меры и наглед сверх всякой границы, в кандалах вели на площадь. И как потом их головы летели с плахи под молчаливыми взглядами толпы.

Теперь все они жили с оглядкой. Каждый лишний золотой, спрятанный в тайник, казался раскалённым углём, способным прожечь пол и выдать его. Лживые отчёты жгли пальцы. Страх был сильнее их жадности.

А внизу, в лабиринтах узких улочек, жил своей жизнью народ. Он был безмолвен и бездействовал. Люди были заняты болезнями и выживанием. Они прятали своих заболевших родственников по подвалам, шептались о монстрах и молились, чтобы беда обошла их дом стороной. У них не было сил на бунт против «зажравшихся свиней», все их силы уходили на борьбу с хворью и голодом.

Пока город делился на больных и здоровых, «элита» города задыхалась в собственной трясине. Запертые в своих роскошных тюрьмах-домах, они жили прошлым. Их память хранила образы старых добрых времён, когда жизнь была легка и понятна. Они вспоминали старика-управляющего, который был одним из них — закрывал глаза на махинации и прекрасно понимал «необходимость» небольшого личного обогащения.

Они шептали его имя с ностальгией и ненавистью, презирая за то, что тот, не посоветовавшись с ними, выбрал преемника, который разрушил их уютный мирок. Заставил бояться собственной тени и оказался страшнее любого монстра.

Кто же победит в этой борьбе за власть?

Глава 8

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо над Камнеградом в болезненные багровые тона. Детективы возвращались в поместье молча. Город подтвердил их худшие подозрения: за сверкающим фасадом гильдийских башен скрывалась гнилая трясина страха. Элиза делала пометки в блокноте — короткие, рубленые фразы о контрастах, которые они видели: роскошные экипажи, обдающие грязью изможденных рабочих; настороженные взгляды стражи, следящие за каждым шагом «чужаков». Они собирали улики, но главная тайна крылась здесь, за этими высокими стенами.

В поместье их встретила Лиан. Она была в саду, и Элиза сразу заметила, что сегодня она выглядела значительно бодрее, чем накануне. Тени под глазами всё ещё были заметны, но в её движениях появилась какая-то тихая, сосредоточенная энергия. Она возилась с клумбой, и её зелёное платье удивительно гармонировало с сочной листвой.

Детективы подошли, ступая по шуршащей гравийной дорожке.

— Госпожа Лиан, какой удивительный сад, — мягко начала Элиза, окидывая взглядом ухоженные растения. — Воздух здесь... особенный. Он пахнет дождем и чем-то еще. Чем-то терпким.

Лиан вздрогнула от неожиданности, но не обернулась. Лишь плечи едва заметно напряглись.

— Это болиголов, — тихо ответила она, продолжая возиться с цветами. — Он отпугивает вредителей.

Ричард подошел ближе, встав так, чтобы видеть её лицо.

— Мы слышали, вы очень привязаны к своей семье. Увы, господин Ворт не слишком многословен на эту тему...

При упоминании мужа её плечи едва заметно напряглись. Она бросила быстрый, испуганный взгляд на окна дома, будто боясь, что он может услышать.

— Он... он запрещает говорить об этом, — прошептала она, роняя секатор на землю. Тот глухо стукнул о камень.

Убедившись, что их никто не подслушивает, девушка заговорила тише, почти скороговоркой, словно боясь, что её прервут.

— За год до смерти отца... в наш дом пришла беда. Она не была связана с политикой или заговорами. Она явилась в облике моей старшей сестры.

Лиан на мгновение замолчала, собираясь с мыслями.

— Когда-то Мира была самой цветущей девушкой, полной жизни. Но она всегда была... непокорной. Вопреки воле отца, она сбежала и вышла замуж за простого юношу из деревни на краю Топей. Она искала не богатства каменного города, а простое человеческое счастье.

В её голосе прозвучала горечь.

В её голосе прозвучала горечь и нежность одновременно.

— Но болота не прощают такой наивности. Миазмы... ядовитые испарения... они проникли в её новый дом. Её молодой муж угас за считанные недели, став иссохшим, безвольным телом. Она же... она сопротивлялась дольше.

Лиан подняла взгляд на детективов, и в её серых глазах блеснули слёзы. Элиза смотрела не на Лиан, а на её руки. Тонкие пальцы с такой силой впились в ткань платья.

— Отец нашёл её спустя полгода. Он отправил людей на поиски. И они привезли её обратно. Но это была уже не та девушка, что покинула дом. Перед нами еле стояло существо... похожее на древнюю, высохшую старуху. Её когда-то пышные волосы стали абсолютно седыми и безжизненными, как паутина. Кожа обтянула кости так туго, что казалось, вот-вот лопнет.

А глаза... глаза потухли. В них не осталось ничего от прежней Миры. Она почти не говорила, лишь иногда издавала тихие, полные боли стоны.

Лиан замолчала, глядя на свои пустые ладони. Ричард заметил, как мелко дрожат её плечи. Теперь он понимал тяжесть, которую несла эта хрупкая девушка. Она осталась одна, без материнской любви, без поддержки мужа, с грузом страшной семейной тайны. Её жизнь превратилась в служение сестре, которую мир отверг.

— Отец был в ужасе. И он... он сделал то единственное, что считал правильным. Он запер её. В той самой пристройке. Чтобы никто не видел. Чтобы «позор» не коснулся имени семьи.

Они хотели попросить показать им сестру. Хотели понять природу хвори, глядя в глаза жертве. Но разговор оборвался на полуслове.

С улицы донёсся резкий скрип колес и цокот копыт. Во двор влетел экипаж. Кир Ворт вышел из кареты быстрыми, злыми шагами. Он даже не взглянул на детективов. Его взгляд был прикован только к жене.

— Лиан, — его голос был тихим. — На два слова.

Это был приказ. Лиан дернулась, как от удара плетью. Она покорно, опустив голову, пошла к дому, но перед крыльцом остановилась и бросила на детективов затравленный, умоляющий взгляд.

Те переглянулись и двинулись следом. Войдя в холл, они слышали его шепот, похожий на шипение змеи.

— Ты что творишь? Ты рассказываешь им о ней?!

— Я... я просто...

— Никаких «просто»! — рявкнул он, нависая над ней. — Ты хоть понимаешь, что будет, если об этом узнают? Недоброжелатели только и ждут повода! Они распускают слухи, что в доме нового управляющего живёт монстр! Что он не может навести порядок даже в собственной семье! Это опорочит меня. Это разрушит всё, что я строю! Все, что я уже сделал... всё!

Он схватил её за плечи, но тут же отпустил, будто прикосновение к ней могло его испачкать.

— Ты должна молчать. Ты поняла меня? Молчать!

Лиан лишь кивнула, глотая слёзы.

Терпение Элизы лопнуло. Она решительно шагнула вперед, вклиниваясь между ними.

— Господин Ворт! — её голос прозвенел сталью. — Мы как раз собирались поделиться с вами нашими первыми наблюдениями.

Кир резко развернулся. Его гневный взгляд столкнулся со спокойными, непроницаемыми глазами детективов. Несколько секунд длилась немая дуэль. Затем управляющий шумно выдохнул, выпуская пар. Гнев медленно уступал место холодной сосредоточенности.

— Хорошо, — бросил он отрывисто. — Говорите.

Девушка заплаканная ушла в сад.

Детективы начали свой доклад. Они говорили о том, что видели. О страхе среди элиты, о бездействии народа, о пропасти между богатыми и бедными. Они говорили о том, что город болен не только хворью с болот, но и коррупцией, которая разъедает его изнутри.

Кир слушал их молча, скрестив руки на груди. Его гнев постепенно уступал место холодной сосредоточенности. Он смотрел на них и видел не просто наёмных сыщиков. Он видел людей, которые понимали масштаб катастрофы так же ясно, как и он сам.

Ужин прошёл в более спокойной, почти деловой атмосфере. Детективы, поделившись своими наблюдениями о городе, перешли к обсуждению следующего шага. Им нужно было увидеть всё своими глазами, и для этого идеально подходила деревня у болот — эпицентр загадочной болезни.

— Мы должны отправиться туда, — начал Ричард, аккуратно разрезая мясо. — Но ваше сопровождение, господин Ворт, может всё испортить.

Кир, который уже собирался возразить, замер с вилкой в руке. Он нахмурился, но промолчал, ожидая объяснений.

— Вас знают абсолютно все, — мягко продолжила Элиза. — От простого рыбака до главы гильдии. Ваше появление вызовет страх, заискивание или, что хуже, агрессию. Люди замкнутся. Они будут говорить то, что, по их мнению, вы хотите услышать.

Она сделала паузу, глядя ему прямо в глаза.

— Мы же поедим одни. Представимся гостями города, возможно, торговцами или... — она улыбнулась, — ...богатой парой, которая ищет уединённый дом для покупки. В этом есть смысл. Мы будем просто частью пейзажа. Никто не станет нас бояться.

Кир задумчиво отложил вилку. В её словах была логика. Господин Ворт был символом власти и страха, а им нужно было увидеть правду, скрытую за этим страхом. Он медленно кивнул.

— Хорошо. Так и решим.

За окном окончательно стемнело. Тайны Камнеграда становились лишь глубже и темнее.

Глава 9

Опустилась плотная ночь, как мокрое сукно. В гостевой комнате поместья управляющего, единственным источником света была магическая лампа, стоявшая на столе. Её свет ровно светил, отбрасывая на стены гигантские, уродливые тени от двух фигур, собиравших вещи.

Элиза методично складывала вещи в кожаный саквояж. Ее движения были выверенными и экономными. Рядом легли компас в медном корпусе и лупа.

— Взять ещё один плед? — спросила женщина, не отрываясь от своего занятия. — На болотах по ночам промозгло даже в августе. Сырость пробирает до костей.

Мистер Торн в это время нервно мерил шагами комнату. Он то и дело подходил к окну, всматриваясь в непроглядную тьму улицы. В его собственный мешок летели бинты, склянка с едким спиртом для прижиганий и потрёпанный блокнот.

— Не надо плед, — сказал, резко разворачиваясь. — Ты думаешь, нас там ждёт простуда? Мы едем в деревню, где люди мрут как мухи.

— Именно поэтому мы и едем, — спокойно ответила Элиза, убирая колбы в саквояж. — Чтобы понять, что это. Мор? Отравление воды? Или, как шепчутся в тавернах, чья-то злая воля?

Она защёлкнула замки на саквояже и посмотрела на напарника

— Ты боишься? — тихо спросила она.

Мужчина остановился.

— Я боюсь, что мы приедем в деревню-призрак. Ничего не узнаем. - Ричард сел в кресло.

— Наша задача — найти причину. Чтобы там не скрывалось, нам нужно разгадать эти тайны.

- После увиденного в городе, в кабинете старого управляющего, я думаю, что это все связано. Господин Ворт многое скрывает. Есть вопросы по старому управляющему. Хорошо бы в этой деревне узнать о нем у оставшихся жителей, если кто остался.

- Так и поступим.

Утро следующего дня встретило детективов ясным небом и свежестью.

Кир, как и планировал, с первыми лучами солнца отбыл обратно в Цитадель. Его ждали бумаги, казначей, гильдейские мастера и вечная борьба с коррупцией. Он уехал на своём экипаже, и его прямая, нестигаемая фигура в окне кареты была последним, что они увидели.

Собрав свои немногочисленные вещи и вооружившись легендой о поиске дома, детективы отправились в путь. Их ждала ухабистая дорога, ведущая к Топям. К месту, где родилась самая страшная тайна Камнеграда.

Лиан, проводив мужа взглядом, тихо вернулась к своим обязанностям. Её день, как и всегда, был посвящён сестре. Уход, отвары, тихие слова утешения и безмолвная борьба с отчаянием. Она не ждала возвращения мужа и не волновалась о том, где он и что делает. Её мир сузился до размеров одной комнаты, самой высокой и светлой в пристройке у особняка, которую отец когда-то превратил в золотую клетку для своей старшей дочери. Даже приехавшие детективы ее не волновали.

Когда все уехали из поместья, она пошла в пристройку. Девушка села в кресло у кровати, её пальцы медленно перебирали седые, безжизненные пряди волос сестры. В комнате пахло целебными травами, которые она варила на медленном огне, и чем-то ещё — неуловимым запахом увядания и времени.

Лиан вдалась в воспоминания двухлетней давности. Она помнила сестру другой. До того, как беда пришла в их дом. Это было два с половиной года назад. Мира была подобна весеннему ветру — яркая, смеющаяся, с волосами цвета спелой пшеницы. Она всегда мечтала о чём-

то большем, чем каменные стены Камнеграда и холодный этикет высшего света. И когда она полюбила простого юношу из деревни у Топей, её решение было таким же решительным и неустойчивым, как горный поток.

Отец был в ярости. Он кричал, запирали двери, грозил отречься от неё. Но она ушла. Ушла за своей любовью, в маленький домик на краю гнилых болот, ища то самое простое счастье, о котором слагают песни.

Счастье оказалось недолгим. Топи не прощают наивности. Муж угас первым, за считанные недели превратившись из сильного юноши в иссохшееся тело. Сестра боролась дольше.

Лиан помнила день, когда отец вернулся. Он был мрачнее тучи. Он не сказал ни слова, просто внесли тело в особняк. Это уже не была та девушка, что покинула дом. Перед ними было существо, похожее на древнюю старуху. Кожа, обтянувшая скулы, потухшие глаза, в которых больше не было света, и волосы — абсолютно белые, как снег на вершинах гор. Именно этот вид врезался в память юной Лиан.

Отец поместил её в пристройке. Словно надеялся, что толстые каменные стены и чистый горный воздух смогут остановить то, что уже поселилось внутри неё. Но чуда не произошло.

Вся тяжесть ухода легла на плечи Лиан. Тихая и скромная, она превратилась в единственную опору для той, что когда-то была её путеводной звездой. Она кормила сестру с ложки тёплым бульоном, расчёсывала спутанные седые пряди и, сидя у кровати долгими вечерами, читала ей вслух старые книги. Девушка не знала, слышит ли её сестра, но продолжала говорить с ней, делясь новостями из сада или просто рассказывая о том, как прошёл день.

Сейчас это был её молчаливый подвиг. Пока город оплакивал правителя, а её муж погружался в пучину власти и тайн Цитадели, Лиан вела свой тихий бой. Уход за сестрой стал для неё смыслом существования в мире, который стремительно менялся и становился всё более опасным и непонятным.

Именно здесь, у постели больной, Лиан научилась тому, чего так не хватало новому хозяину Камнеграда — терпению и истинному состраданию. Она знала цену тишине и умела ждать. И пока Кир сражался с тенями города, она боролась с тенью, что поселилась в душе её сестры.

С того дня, как безжизненное тело старшей дочери внесли в эту комнату, в отце Лиан словно что-то надломилось. Он не сломался, нет — его воля осталась прежней, несгибаемой. Но взгляд потух.

Лиан начала замечать эти перемены почти сразу.

Раньше кабинет отца был сердцем дома, местом, где он работал, но куда всегда мог зайти кто-то из домашних. Теперь же дубовая дверь стала непреодолимой преградой. Она была открыта, но никто не подходил к кабинету, будто зная, что там счастья теперь нет. Из-за двери иногда доносились тихие звуки: шелест бумаг, скрип пера по пергаменту и иногда — тяжёлый, прерывистый вздох, от которого у Лиан сжималось сердце.

Иногда, проходя мимо, она прижималась ухом к холодному дереву и слышала его шаги. Он не сидел за столом. Он стоял у дальней стены, где на огромном куске пергамента была растянута подробная карта Камнеграда и всех прилегающих земель. Карта была испещрена его пометками: странными символами, крестиками и кружками.

Лиан помнила эту карту ещё совсем пустой. Она висела на стене кабинета, скорее как элемент декора или символ статуса, напоминающий всем о должности её отца. Долгое время карта оставалась неизменной, и Лиан почти не обращала на неё внимания. Но однажды, наблюдая за отцом, она заметила, что на карте появились новые отметки и линии.

Это произошло в тот момент, когда отец выходил из комнаты. Он не заметил её взгляда, погружённый в собственные мысли. Лицо старого управляющего, обычно строгое и волевое, сейчас было искажено гримасой отчаяния и мучительной сосредоточенности. В его глазах читалась не просто усталость, а глубокое внутреннее потрясение, словно перед ним развернулась вся тяжесть ответственности и безысходности положения. Он смотрел на карту так, будто

она была не планом города, а картой боевых действий, на которой он только что проиграл решающее сражение.

Девушка понимала, он что-то искал.

Старик прокручивал в голове все возможные варианты. Болота? Но почему болезнь проявилась так избирательно? Почему зять умер быстро, а дочь угасала медленно? Может, дело в воде? В земле? В чём-то, что они ели или чем дышали? Он изучал отчёты о поставках продовольствия из деревни, о составе воды из горных источников. Он искал логику в хаосе, систему в безумии.

Каждый новый день без результата отнимал у него силы. Тяжёлые вздохи становились всё чаще. Он старел на глазах. Плечи, всегда державшие на себе ответственность за целый город, поникли под бременем личной трагедии.

Лиан видела эту перемену и чувствовала себя виноватой. Она была поглощена уходом за сестрой, своим тихим подвигом у постели больной. А отец в это время вёл свою собственную войну — молчаливую, одинокую войну в запертом кабинете. И она понимала, что проигрывает её.

По её губам скользнула горькая, безрадостная усмешка. Эта усмешка была не для кого-то, а для самой себя, для судьбы, которая сплела их жизни в такой тугой, безжалостный узел.

Девушка смотрела на неподвижную фигуру на кровати, на седые пряди в своей руке, и мысли её были холодны и ясны. Её отец... он потерял всё. Абсолютно всё. Словно какой-то злой рок преследовал его.

Сначала — жена. Десять лет прошло, а Лиан всё ещё помнила ту пустоту, что поселилась в глазах отца, когда её мать угасла от пневмонии за какую-то неделю. Он тогда словно потух изнутри, хотя и продолжал улыбаться дочерям и выполнять свои обязанности.

А потом... потом он потерял и их. Своих дочерей.

Старшую — физически. Болезнь забрала её тело, превратив в живой труп. А младшую... младшую он потерял иначе. Он отдал её. Просто взял и обменял на иллюзию спасения, на призрачную надежду. Замкнувшись в своём горе и страхе, он не нашёл ничего лучше, чем принести Лиан в жертву. Выдать её замуж за мрачного, чужого ей мага теней.

«Не перечь ему», — так он сказал тогда. Лиан не чувствовала защиты. Она чувствовала себя вещью, разменной монетой в сделке с судьбой. Её сердце, которое и так было разбито болезнью сестры и холодом отца, окончательно заледенело в тот день у алтаря.

Она нежно положила безвольную руку сестры на одеяло и тихо поднялась.

Глава 10

Вид, открывшийся взору, был безмятежным. Слишком безмятежным. Дорога извивалась среди холмов и спускалась в низину, где раскинулись Топи. Но сама деревня, приютившаяся на самом краю болот, казалась островком забытого покоя. Аккуратные, хоть и потрёпанные временем домики утопали в зелени. За ними лениво несла свои воды тихая река, как идеальное зеркало, в котором отражалось бездонное голубое небо. Воздух был густым, тягучим, даже душным. Он был напоён сладким ароматом цветущего шиповника и пряных болотных трав.

Эта картина дышала меланхолической красотой увядания. Вдали же, охраняя покой этого застывшего мира, величественно возвышалась гора, у подножия которой дремал город.

Однако эта красота была кладбищенской. Подъехав, детективы увидели, что деревня умирает. Некогда большая и зажиточная, сейчас она угасала. Раньше здесь, на болотах, кипела жизнь. Люди добывали торф, согревавший весь Камнеград. Теперь же от бывшего процветания остались лишь воспоминания. Часть домов стояла с заколоченными окнами и проваленными крышами, словно скелеты гигантских животных, вмёрзшие в высокую траву. И лишь несколько уцелевших домиков подавали признаки жизни. Из их труб вился дымок, а в огородах кто-то безнадёжно копошился.

Представившись супругами, ищущими уединённое место для жизни, Ричард и Элиза начали расспросы. Местные жители, измождённые, с потухшими глазами, встречали их насто-роженными взглядами и отвечали неохотно, цедя слова. Разговорить селян помог староста. Они нашли его на покосившемся крыльце. Старый дед с длинной седой бородой и мудрым, усталым взглядом молча курил трубку, наблюдая за пришлыми.

— Я ведь помню... — старик сделал долгую затяжку, и клубы дыма на мгновение скрыли его лицо. — Помню, как здесь было. Наша деревня лежала в самом сердце бескрайних полей и густых лесов. Жизнь в ней кипела, что в огромном улье. С утра до ночи на улицах стоял шум, голоса, смех, крики торговцев, лай собак... А как стучали топоры! Эх... Народу было - не протолкнуться. Особенно молодых. Подмастерья снуют, девушки с корзинами идут к реке, а у колодца гомон. Мальчишки и девчонки в салки играют. Дома какие были! Одноэтажные, да... Но аккуратные, светлые. Из камня рублены или из доброго дерева, с резными ставнями. Перед каждым огородик ухоженный. Там тебе и капуста, и морковь, и лук... Женщины с детишками грядки полют, а мужики наши с поля или с болота возвращаются. С добычи...

С уст старосты сорвался тяжёлый вздох. Он неторопливо выбил из трубки прогоревший табак и, наполнив её свежим, душистым зельем, высек искру. Поплыл густой, терпкий аромат, а староста, сделав глубокую затяжку, на мгновение прикрыл глаза, словно собираясь с мыслями.

— Это дело всю деревню кормило. Торфом-то весь Камнеград согревали! И ил для полей добывали. Мы сотрудничали со многими городскими гильдиями. В первую очередь, с каменщиками и бондарями, которые поставляли нам бочки для ила... Эх, было время...

Старик задумчиво замолчал.

— Годы шли, и стали мы примечать в нашей деревне перемены, от которых сердце щемило. Сперва-то хвори приходили редко, словно случайные странники: кто занедужит, да с Божьей помощью встанет. А вот в последние год-другой всё иначе пошло.словно из-под земли поднялась напасть неведомая, и стала она людей одного за другим забирать. Страх в деревню вполз, тревогой все избы оплёл. То тут, то там надсадный кашель раздаётся, у ворот понурые фигуры стоят, а на улице теперь тишина гробовая. Молодёжь, что раньше гурьбой собира-лась, по домам попряталась. Даже детвора, и та уж не бегают, а играет с оглядкой, будто сама земля заразна. Пришла беда. Она не спросит, не постучит. Не шадит ни старого, ни малого. Где раньше смех да песни звенели, там теперь лишь надежда на исцеление да страх за родную

кровь. А кто духом покрепче был да за жизнь цеплялся отчаянно, в город подавались, прочь от проклятого места, оставляя за спиной лишь пустые дворы да горькую память.

Детективы слушали молча. Ричард медленно кивнул, сопоставляя слова старика с тем, что видел сейчас. Элиза, не отрываясь, смотрела на рассказчика, впитывая каждую деталь. Её взгляд был цепким. Она не просто слушала историю, она искала в ней несоответствия.

— Да... — протянул он, выпуская колечко дыма, которое медленно растаяло в воздухе. — Жила тут дочь старого управляющего Мира. Красавица была, каких свет не видывал. Волосы, что спелая пшеница. Весёлая, с душой нараспашку. И мужа себе нашла не из знатных. Эйден Фейн. Парень был - золото. Не болтун, но, если скажет — как отрубит. Сильный, работающий, добрый. Лучший добытчик торфа в деревне, руки у него были — во! — старик развёл руки в стороны, показывая размах. — Они друг на друга надыхаться не могли. Помню, свадьбу играли прямо тут, шумную. Танцевали все, от мала до велика. Мире все завидовали, а Эйден так на неё смотрел... будто она — солнце, а он — единственный, кто может греться в её лучах.

Его голос стал тише, печальнее.

— Но и к ним пришла беда... — голос старика стал еще тише, почти шёпот. — Сначала Эйден. Он сгорел за пару недель. Был человек — и нет его. Стал как сухая ветка, весь в чёрных пятнах, словно обуглился изнутри. Кашлял так, что кровь брызгала на пол... Мы тогда не поняли ещё, что это та самая хворь. Она у каждого по-своему забирает. Одного — быстро, другого — медленно...

Он замолчал, глядя в пустоту перед собой.

— Потом заболела и Мира. Бедная девочка... Она долго держалась. Всё за ним ходила, выхаживала, пока сама не слегла. Пока не превратилась в тень той красавицы, что была на свадьбе. Старик замолчал, глядя куда-то вдаль, на болота.

— А дальше... — старик запнулся, его голос дрогнул. — Дальше я не знаю. Приехала стража. Всех разогнали. Её... забрали.

Он замолчал, глядя на детективов своими выцветшими, полными тоски глазами.

— Говорят, её в башню увезли. На опыты. А может... — он сузил глаза и понизил голос до едва слышного шёпота, от которого по спине бежал холодок. — Может, она до башни-то и не доехала. Болота своё не отдают.

Эта фраза, как ржавый гвоздь, засела в мыслях Ричарда. Его интуиция, молчавшая до этого, вдруг взревела, указывая на недостающий фрагмент всей картины.

Детективы поблагодарили старика и в молчании пошли обратно к повозке. Теперь они знали почти всё. Знали о любви Миры и Эйдена, о его страшной, быстрой смерти и о её мучительной борьбе с болезнью. Они поняли, что старый управляющий спрятал дочь не от позора, а от страшной правды, которую уже тогда пытался скрыть: болезнь распознала именно с болот.

Наконец у них была весомая зацепка. Тайна багульника, смерть старика — всё это стало ещё более запутанным, но теперь у загадки был эпицентр. Источник зла находился здесь, в этих тихих и обманчиво красивых топях. Проезжая мимо окраины деревни, Ричард видел бескрайнюю гладь болот, под которой угадывалась бездонная трясина. Источник зла был здесь, он чувствовал это нутром. Но что это?

Ричард остановил кучера. Он спрыгнул на землю и подошёл к кромке воды, внимательно разглядывая берег.

— Дело не в простой заразе, — наконец произнёс он, когда Элиза подошла к нему. Голос его был твёрд. — Болота сотню лет кормили город. Что изменилось за пару лет?

Он повернулся к ней, в его глазах горел азартный огонёк.

— Какая-то новая технология добычи? Новый контракт с гильдиями? Поехали обратно в город. У нас есть зацепки, надо проверить гильдии.

То же дремлет в этой трясине, ожидая своего часа?

Глава 11

Вернувшись в город уже вечером, детективы застали Кира в поместье. Они нашли его в гостиной. Новый управляющий превратил её в свой импровизированный кабинет. Гора документов на столе и переполненная пепельница были неммым свидетельством того, что он намеренно игнорирует кабинет старого управляющего. Это был не просто выбор места для работы, а символический жест, попытка переписать историю этого места: «Здесь всё будет по-новому». Дым от его очередной сигареты, смешиваясь с тяжёлым, наэлектризованным эфиром комнаты, поднимался к потолку сизыми спиралями. Воспалённые от недосыпа и магического истощения глаза Кира поднялись на них, готовые слушать.

— Деревня... — Кир медленно затушил сигарету в пепельнице. — Да, я знал о ней. Но про Миру и её мужа... я слышу впервые такие подробности.

Он на мгновение прикрыл глаза, словно пытаясь осмыслить новую информацию. Когда он снова заговорил, его голос был деловым и собранным.

— Вам нужно в город. Гильдия каменщиков. Их штаб в Каменном квартале. Найдите мастера Горга. Бондари... Их склады у Речной пристани. Поищите там кого-нибудь из старших.

Вопрос был решён, и детективы молча кивнули. Заметив их измождённый вид, Кир распорядился, чтобы Марта принесла ужин прямо в их комнату. Обрадовавшись этой идее, Ричард и Элиза наконец смогли вздохнуть с облегчением. Смыв в ванной усталость долгого дня и поев, они, не стовариваясь, повалились на кровати и тут же провалились в глубокий сон.

Пока детективы отдыхали, Кир расстелил на столе подробную карту города. Она служила ему ориентиром направления. Молодой человек положил на неё ладони, закрыл глаза и сосредоточился. Тени в городе ожили. В тот же миг он почувствовал город. Это было не зрение, а скорее осязание на расстоянии. Его сознание раздвоилось. Одна часть оставалась в полутёмной гостиной, а другая, сотканная из теней, растеклась по улицам. Управляющий ощущал всё, что происходило внизу. Сейчас по грязной брусчатке в подворотне пробежала крыса, его тень отпрыгнула, почувствовав её мокрую шерсть. На освещённой площади у кабака раздался громкий, пьяный смех. Он «увидел», как какой-то мужчина, пошатываясь, выходит на улицу под руку с красивой женщиной в дорогой шубе. Их шаги эхом отдавались в его сознании, пока они не свернули в тёмный переулок и не скрылись из виду.

Его сознание скользило дальше, пока не наткнулось на тёплое свечение из окна гостевой комнаты поместья. Детективы спали. Их дыхание было ровным и глубоким. На секунду ему захотелось оказаться там же, просто закрыть глаза и забыть обо всём. Но город требовал внимания. Двигая пальцами по линиям улиц, он направлял свои бесплотные шупальца туда, куда хотел заглянуть, собирая слухи и секреты ночного города.

Мышцы отозвались глухой, забытой болью. Заныли старые шрамы, напоминая, что он давно не пользовался магией поиска. Он видел почти закрывшиеся ставни лавок, редких, спешащих домой прохожих и посты стражи. Городская охрана была расслаблена до неприличия. Вместо того чтобы делать обход, они сбились в тесный кружок у фонаря, громко балагурия и передавая по кругу флягу. Один и вовсе ковырял кинжалом грязь под ногтями, совершенно забыв о патрулировании.

Господин Ворт нахмурился. Тени у его ног в гостиной беспокойно зашевелились, вторя его гневу. Он сделал мысленную пометку: завтра же вызвать начальника стражи. Разговор предстоял серьёзный. Слишком серьёзный.

Но главное, его теневые ищейки не выследили ни одной твари или монстра. По крайней мере, сейчас. В беспросветном мраке этого проклятого дня, отсутствие монстров было единственной хорошей новостью, за которую Кир готов был цепляться. Это была лишь временная передышка, но и она позволяла перевести дух.

Применение магии отняло последние силы. Молодой человек с глухим стоном откинулся на спинку кресла, позволяя усталости накрыть себя тяжёлой волной. Виски пульсировали тупой болью. Сквозь гул в ушах он начал различать привычные, почти забытые звуки дома. Из кухни, сквозь неплотно прикрытую дверь, доносился мерный, успокаивающий шум. Марта домывала кастрюли. Из глубины библиотеки, сопровождаемая тихим шелестом страниц, доносилось бормотание Лианы. Она искала книгу для завтрашнего чтения Миры. Постепенно поместье наполнилось вечерним спокойствием.

Тем временем, пока город укутывала ночная тьма, в одном домов рабочего квартала, пропахшем тушёной капустой и печным дымом, шёл свой разговор. После скудного ужина семья не спешила расходиться. Мужчины сгрудились у стола, на котором тускло светила магическая лампа.

— А я тебе говорю, при старом управляющем было не так, — хрипло вещал седой рабочий, отставив кружку с отваром. — Да, он был из этих, из знати. Но порядок знал.

— Порядок? — фыркнул его сын. — Порядок был такой, что мы с тобой гнули спину за гроши, пока элита жировала! А новый... говорят, он из простых. Может, хоть он прижмёт этих богачей.

— Прижмёт? — в разговор вступил третий, с перевязанной рукой. — А про хворь болотную слышал? Говорят, он же и приказал болота осушить. Вот зараза и полезла. Нет, мужики, что старый, что новый — всё одно. Им на нас плевать.

Внезапно хозяйка дома резко шикнула на спорщиков. Она не произнесла ни слова, лишь быстро взмахнула рукой, и магия бесшумно сомкнула плотные шторы на окне, отрезая комнату от ночного города.

— Тише вы, дурни! — прошипела она, яростно сверкнув глазами. — Думаете, у стен нет ушей? Ворт... Ворт услышит. И тогда не сносить нам головы.

Мужчины тут же потупили взгляд, уставившись в свои кружки. Воздух в комнате стал тяжёлым от страха. Но через минуту, понизив голоса до едва слышного шёпота, они всё же нашли, что ещё сказать о старом управляющем. Гнев и обида оказались сильнее страха.

— А помнишь, как господа раньше жили? — протянул кто-то из мужчин, глядя в пустую кружку. — Балы, приёмы... У старого управляющего жена, говорят, на беличьих мехах спала.

— Притихли они теперь, — зло сплюнул другой. — Сидят по своим норам, как крысы.

— У моей сестры племянница месяц назад слегла, — тихо, почти шёпотом, добавила хозяйка. Голос её дрогнул и сорвался. — Приехала из той самой деревни на болотах. На травницу училась... чтобы людям помогать. Травы для лавки в городе собирала... Говорят, она заболела той самой хворью.

Она осеклась, вытирая слезу дрожащей рукой.

— Пятна по всему телу пошли. Чёрные, как ожоги... Как смоль. Мы её в подвале прятали от стражи. Девочка от боли кричала так, что стены тряслись... вся иссохла, как щепка. Но Ворт нашёл её. Выбили дверь... просто выломали. Никого не слушали. Забрали в башню. Сестра в отчаянии пошла к нему просить вернуть дочь. Так он даже не взглянул на неё. Не пустили дальше приёмной... просто захлопнули дверь перед носом.

— Да сколько можно?! — один из мужчин с грохотом опустил кружку на стол. — Если они будут сидеть сложа руки... если и дальше будут прятать своих больных и плевать на нас... Мы сами соберём народ! Пойдём к ратуше! Пусть выходят и говорят!

Он тяжело дышал, на лбу вздулась вена. Хозяйка резко оборвала его слова. Её лицо, до этого полное сочувствия, превратилось в каменную маску. Она метнула испуганный взгляд на окно, словно кто-то мог стоять прямо за ним и слушать.

— Тише вы, идиоты! — зашипела она с яростью, в которой сквозил ужас. — Хотите, чтобы и за нами пришли?! Чтобы и моих детей... — она осеклась, прикусив губу. — А ну-ка, быстро! Все по комнатам! Спать! Немедленно!

В доме рабочих наконец воцарилась тишина.

Глава 12

Утро ворвалось в комнату не солнечным светом, а запахом крепкого кофе и жареной яичницей. Ричард проснулся, с хрустом потянулся и, кряхтя, сел на кровати. Элиза уже не спала. Она сидела у окна, полностью одетая, и задумчиво смотрела на просыпающийся город, застёгивая последние пуговицы на своём кожаном жилете.

— Доброе утро, соня, — не оборачиваясь, произнесла она. — Ты так храпел, что я боялась, как бы штукатурка с потолка не посыпалась.

— Я не храплю, я... восстанавливаю дыхание, — буркнул Ричард, нашаривая сапоги. — Ноги как чужие. Вчерашний день был... слишком длинным.

В комнате уже был накрыт стол. Марта, как всегда молчаливая и расторопная, поставила перед ними дымящиеся тарелки с яичницей. Детективы сели друг напротив друга.

Мистер Торн первым нарушил тишину, отхлебнув обжигающий кофе.

— Значит, так. Вчера мы выяснили про деревню и эту заразу. Кир подтвердил наши догадки про связь с болотами. Но это всё теория. Нам нужны факты. И свидетели.

— Гильдия каменщиков и бондари, — кивнула Элиза, ловко орудуя вилкой. — Господин Ворт сказал, что нам нужен мастер Горт в Каменном квартале и кто-то из старших на Речной пристани.

— Точно. Но город большой, а время — деньги. Мы можем потратить полдня, просто петляя по улицам.

Детективы попросили у Марты карту города. Старушка, не проронив ни слова, бесшумно удалилась и вскоре вернулась из библиотеки, неся в руках свиток пожелтевшего пергамента. В это же время Элиза, закончив свой скромный завтрак, отставила пустую тарелку. Она аккуратно вытерла губы льняной салфеткой, и её рассеянный взгляд, скользнув по столу, зацепился за плотный лист.

Ричард согласно хмыкнул и развернул плотный пергамент на всю столешницу. Карта была великолепной. С подробным планом улиц, обозначением кварталов и даже крошечными значками мастерских.

— Смотри, — Элиза ткнула пальцем в центр. — Мы здесь, в верхней части города. Гильдия каменщиков... вот она, в Каменном квартале. Это север-северо-восток.

— А пристань... — Ричард провёл пальцем по синей ленте реки, — ...вон там, на юге. Это противоположный конец города.

Они склонились над картой, почти соприкасаясь головами. Разговор стал деловым, быстрым.

— Идти сначала к Горту или на пристань? — спросил Ричард, доставая из поясной сумки свинцовый карандаш.

— К Горту. Он ближе. И если он что-то знает про болота, то это может дать нам ниточку к бондарям.

— Логично. Тогда так: выходим отсюда, проходим через Рыночную площадь... вот здесь... — он поставил жирную точку грифелем прямо на пересечении двух улиц, — ...и сворачиваем в Каменную арку. Это самый короткий путь.

Элиза кивнула и тоже сделала пометку на карте.

— А вот здесь, у моста через канал, нужно быть начеку. Там всегда толпится всякий сброд.

— Принято.

Они ещё несколько минут молча изучали переплетение улиц, запоминая повороты и возможные укрытия. Когда план был готов, Ричард свернул карту и убрал её в тубус.

— Что ж, — он встал из-за стола и поправил выбившуюся рубашку. — Пора нанести визит вежливости мастеру Горту. Надеюсь, он окажется более разговорчивым, чем все остальные.

Элиза поднялась следом.

— Вчера мы видели лишь часть проблемы. Сегодня мы идём за её корнями.

Детективы спросили про Кира. Марта, не поднимая глаз от вязания, лишь коротко кивнула в ответ:

— С первыми лучами солнца. Уехал в Цитадель.

Они вышли из поместья и тут же окунулись в суету улицы. Прохладный утренний воздух был густо замешан на запахах: мокрого камня, свежего хлеба из ближайшей пекарни и едкой вони из сточной канавы. Город встретил их привычным гулом: скрипом телег на мостовой, надсадными криками грузчиков и зазывалами у торговых рядов.

Следуя намеченному маршруту, они пересекли шумную Главную площадь, ловко лавируя между повозками и прохожими. Затем свернули в узкий, прохладный проулок, где высокие дома почти смыкались над головой, закрывая небо. Здесь звуки города стали глуше, сменившись гулким эхом собственных шагов.

Вскоре этот каменный коридор вывел их к тупику, который заканчивался массивными воротами Гильдии каменщиков. Каменная арка входа была увенчана тяжёлым гербом с перекрещенными молотками, а сами створки, сбитые из толстых дубовых досок, не уступали в прочности крепостной стене. Ричард решительно постучал тяжёлым дверным кольцом по дубовой створке. Долгое время за воротами царил тишина, нарушаемая лишь далёким стуком молотков где-то во дворе. Наконец послышались тяжёлые шаги привратника.

Дверь со скрипом приоткрылась ровно настолько, чтобы в щели показалась половина хмурого лица под надвинутым капюшоном.

— Чего надо? — проскрипел голос из-за двери.

Элиза сделала шаг вперёд. Её голос прозвучал холодно и властно:

— Нам нужен мастер Горт по делу чрезвычайной важности.

Привратник смерил их недоверчивым взглядом с головы до ног, задержавшись на рукояти меча Ричарда и наручах Элизы.

— Мастер занят. Приходите позже... или никогда.

Он уже начал закрывать дверь, но Ричард успел просунуть сапог в сужающуюся щель.

— Мы не уйдём, — прорычал он так, что привратник невольно отшатнулся. — И если ты сейчас же нас непустишь, я разнесу эту калитку к чертям собачьим!

Угроза подействовала. Ворота со стоном распахнулись шире. Привратник молча кивнул им следовать за собой через мощёный двор к приземистому зданию конторы.

Оказавшись внутри сумрачного помещения, детективы увидели мастера Горту раньше, чем он заметил их. Он стоял спиной к ним у высокого окна и смотрел на строящийся фасад нового здания через подзорную трубу. Мужчина средних лет, невысокого, коренастого сложения. Его макушка была идеально гладкой и блестящей, как отполированный морем голыш, и на ней плясали отблески света от настенных факелов. Несмотря на ранний час он был бодр и подвижен. Одетый в простую, но добротную рабочую одежду: кожаный фартук, прожжённый в нескольких местах искрами, и плотные штаны, он выглядел как человек, для которого честный труд является главной добродетелью. От него исходило ощущение надёжности, казалось, на этого человека можно положиться в любом деле, от поднятия тяжестей до сохранения секрета.

Однако это впечатление порядочности слегка портил его взгляд. Из-под кустистых бровей на мир смотрели маленькие, живые глазки. В них постоянно плясали лукавые искорки, выдававшие не злобную хитрость, а скорее природную смекалку и умение находить выгоду в любой ситуации. Он был из тех людей, кто всегда знает, где лежит забытый кошелёк, но никогда не возьмёт его сам, а лишь укажет на него за небольшое вознаграждение. Его голос звучал

мягко и обтекаемо, словно он действительно пытался обойти острые углы в разговоре, как река обходит валун, не желая вступать в прямой конфликт.

— Я слушаю вас. И надеюсь, у вас действительно веская причина отрывать меня от работы.

Ричард, видя, как привратник, бурча стал удаляться, быстро произнёс:

— Мы пришли по рекомендации управляющего городом. По личному поручению Кира Ворта.

Услышав это имя, Горт, который уже начал хмурить брови, мгновенно преобразился. Его лицо расплылось в широкой, почти радушной улыбке, а в глазах-щёлочках заиграли те самые лукавые искорки.

— Что же вы сразу не сказали! — воскликнул он, суетливо вытирая руки о фартук. — Проходите, проходите же! Для друзей господина Ворта у нас всегда найдётся минутка. Да и для дела, я так понимаю, время есть?

Детективы переглянулись. Они не знали, что связывало этого простоватого на вид мастера с всесильным управляющим, но его внезапная готовность к сотрудничеству была им на руку.

Горт провёл их в небольшую контору, заваленную чертежами и образцами камня, и с видимым удовольствием начал рассказывать.

Мужчина, обрадованный внимательными слушателями, окончательно забыл о своей обычной осторожности. Он подошёл к единственному окну конторы, из которого открывался вид на город, и широким жестом развёл руки, словно пытаясь обнять весь Камнеград и нависающую над ним громаду.

— Вы смотрите на неё? — с придыханием спросил он, и в его голосе зазвучали нотки благоговейного трепета. — Великая Гора. Она не просто фон для нашего города. Она — его плоть и кровь! Горная порода, из которой сложен каждый дом, каждая стена, каждый мост, — это её дар!

Он повернулся к детективам, и его маленькие глазки горели фанатичным огнём. Перед ними стоял уже не просто каменщик, а жрец своего каменного культа.

— Вы спрашиваете, давно ли стоит город? — продолжил он. Детективы ничего не спрашивали. Но мужчина не унимался. — Лет сто пятьдесят назад здесь были лишь скалы да дубовый лес. Но всё началось именно с этого места. С нас. С Гильдии каменщиков! — он ударил себя кулаком в грудь, где на фартуке виднелся герб с молотками. — Наши предки, первые мастера, пришли сюда не просто так. Они увидели в этой серой скале не преграду, а возможность. Они начали разработку горной породы. Пробили в горе первые шахты. Это был адский труд! Но тот камень, что они добывали, был чистейшим.

Глаза Горта сияли от гордости, когда он описывал становление своего ремесла.

— Они продавали его по всей стране. Именно те первые каменщики принесли первое богатство в эту долину. На эти деньги был заложен первый камень городской стены. Богатство города росло вместе с его стенами. Мы, — он снова ткнул пальцем в герб на своей груди, — мы построили этот город из её сердца! И всё, что вы видите вокруг, это наша заслуга.

Он замолчал, тяжело дыша от переполнявших его эмоций. В конторе повисла тишина, нарушаемая лишь далёким стуком молотков из мастерских. Ричард и Элиза переглянулись. Они увидели перед собой не просто ремесленника, а человека, чья жизнь и личность были полностью поглощены историей и величием своего дела. Для Горта камень был не просто материалом. Он был святыней.

Элиза, делая вид, что внимательно слушает историю о первых шахтерах, скользнула взглядом по столу. Под чертежами она заметила стопку накладных...

Увлечённый собственным рассказом, Горт, казалось, совершенно забыл, для чего детективы вообще пришли. Он с гордым видом сел за свой массивный стол и, не церемонясь, одним

движением руки смел в кучу на край столешницы стопку чертежей и конторских книг, освобождая место.

Горт расплылся в довольной улыбке, похожий на кота, которому только что почесали за ухом. Он горделиво приосанился, явно ожидая дальнейших похвал своему ремеслу. В конторе повисла очень странная и неловкая пауза: гости ждали продолжения разговора о деле, а хозяин, похоже, считал беседу оконченной и просто наслаждался произведённым эффектом.

Ричард, прочистив горло, первым нарушил это молчаливое недоумение.

— Удивительно, — вежливо вставила Элиза.

— Мастер Горт, — начал детектив, возвращая собеседника с небес на землю. — Вы так прекрасно рассказали нам об истории города. Но нас интересует более... практический вопрос. Что вы можете рассказать о добыче на болотах?

Горт на секунду задумался, словно пытаясь переключить мысли с вековой истории на текущие дела. Его лицо приняло деловое выражение.

— На болотах? — переспросил он. — О, это давняя история. Там много десятилетий собирают ил и торф. Но в последнее время, благодаря старому управляющему, а затем и уважаемому Киру Варту, добыча увеличилась в разы.

Он снова оживился, найдя новую тему для похвалы.

— Господин Ворт, как только вступил в должность, сразу же подтвердил все лицензии и даже расширил зону добычи. Он понимает нужды города и важность наших материалов. Благодаря ему у нас есть и необходимый нам ил в достатке, и, что немаловажно, больше рабочих мест для тех, кто готов заниматься этим нелёгким трудом.

В его словах звучала искренняя благодарность, но Элиза уловила главное: Кир Ворт не просто знал о добыче, он был её главным покровителем. Он не остановил процесс, когда начались проблемы, а наоборот, усилил его. Это делало управляющего центральной фигурой во всей этой грязной истории.

В голове у Элизы и Ричарда эти два факта — «проблемы на болоте» и «увеличение добычи» — никак не хотели складываться в единую картину. Если в деревне свирепствует неизвестная хворь, а земля становится ядовитой, то любой здравомыслящий человек первым делом приказал бы прекратить все работы и запечатать топи. Но Кир Ворт поступил ровно наоборот. Он не просто проигнорировал опасность, он удвоил ставки. Это могло означать одно из двух: либо он знал, что болезнь не представляет угрозы для его планов, либо... болезнь была частью этих планов. Детективы молча переглянулись, мысленно отметив эту нестыковку как новую, жирную зацепку.

Тем временем Горт продолжал нахваливать управляющего. Его голос стал ещё более доверительным, словно он делился великой тайной.

— Да, сейчас у него трения с нашим главой, — отмахнулся Горт. — Тот слишком горд и надменен, не видит дальше своего носа. Но Кир... Кир Ворт — это человек дела. Он мыслит масштабно, на благо всего Камнеграда. И он умеет быть благодарным.

Он на секунду замолчал, словно собираясь с духом, а затем подался вперёд и понизил голос до заговорщицкого шёпота.

— Именно он помог мне. Вы же видите, я всего лишь прораб. Но благодаря Киру... — Горт сделал паузу, гордо выпрямившись на стуле. — Он замолвил за меня слово перед советом. Он увидел во мне не просто исполнителя, а человека, который понимает суть камня и города. Именно Кир Ворт поспособствовал моему назначению на должность помощника главы гильдии. Без его протекции я бы так и остался простым десятником в шахтах.

В его взгляде, обращённом на детективов, читалась безграничная преданность. Теперь стало ясно, почему одно лишь имя управляющего открыло перед ними все двери. Горт был обязан Киру Варту всем своим нынешним положением и карьерой. И этот долг верности заставит его молчать о чём угодно.

— Это всё очень интересно, — Ричард подался вперёд, опираясь локтями на стол. — Но давайте к сути. Зачем вам столько ила? Что вы с ним делаете?

Горт, польщённый вниманием, снова оживился. Он встал из-за стола, подошёл к небольшому стеллажу и взял с него два увесистых бруска. Один был обычным серым камнем, тяжёлым и пористым. Второй, сделанный из смеси с илом, выглядел иначе: он был темнее, с перламутровыми прожилками, и казался обманчиво лёгким.

— Смотрите, — он протянул бруски детективам. — Это и есть ответ. Мы берём наш лучший гранит, смешиваем его с добытым илом по особому рецепту и... получаем это. Легкий, плотный, почти неразрушимый строительный материал. Некоторые даже считают его магическим.

Он с любовью посмотрел на тёмный брусок.

— Из него строят усиленные фундаменты для самых важных зданий: башен Цитадели, домов знати в Верхнем городе. Такое основание не даст дому просесть даже на самой зыбкой почве. А это, как вы понимаете, стоит очень, очень дорого. Гильдия процветает.

— Значит, вам нужен ил, — медленно произнесла Элиза, возвращая брусок. — И торф.

— Верно. Торф — это топливо для печей, где мы обжигам известь и сушим смеси. А ил — это основа. Его доставляют в больших дубовых бочках прямо с болот, чтобы он не засох по дороге.

Ричард резко выпрямился. В его глазах блеснул огонёк понимания.

— Дубовых бочках... — повторил он. — А кто их делает?

Горт просиял, довольный, что его так хорошо понимают.

— Вот мы и подошли к сути! Конечно, бондари! Наше сотрудничество с Гильдией бондарей — это основа всего предприятия. Мы не могли бы работать без них. Они поставляют нам бочки для ила, чаны для смешивания растворов... Это симбиоз! Каменщики строят город, а бондари дают нам тару для нашего главного сокровища. Мы забираем у них всё, что они производят.

Элиза кивнула. Картина сложилась в единую, чёткую схему.

1. Бондари на Речной пристани делают бочки.

2. Эти бочки везут на болота, где их заполняют илом и торфом.

3. Затем повозки везут драгоценный груз обратно в город.

4. Гильдия каменщиков использует ил для создания дорогого строительного материала.

Взаимосвязь была абсолютной. Даже пугало, как все гладко складывалось. Если остановить бондарей — остановится добыча ила. Если остановить добычу — остановится строительство в Верхнем городе. И в центре этой паутины, дергая за все ниточки, стоял Кир Ворт. Детективы переглянулись. Их следующий визит был очевиден. Именно туда детективы хотели пойти по утреннему плану на Речную пристань.

— Премного благодарны за рассказ, мастер Горт, — Ричард поднялся. — Вы очень помогли следствию.

Когда они вышли на улицу, шум города показался им оглушительным.

— На пристань, — коротко бросила Элиза, плотнее запахивая плащ. — Пора поговорить с бондарями.